

Глава XII. В последний путь. (1925 год)

*Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.*

1. Женидьба ради славы

Мысль о женидьбе возникла у Есенина сразу же после возвращения с Кавказа. Но еще в Питере летом 1924 года Есенин говорил Чернявскому о своей "неоставленной еще надежде жениться на хорошей, верной девушке, которую все не удастся встретить".

5 марта в честь дня рождения Гали была устроена вечеринка, на которой Сергей познакомился с Софьей Андреевной Сухотиной (урожденной Толстой), пришедшей с Борисом Пильняком, своим последним любовником. "Часам к 12 вечера Есенин был пьян, – пишет Наседки, – но держался хорошо. Наибольшее внимание за этот вечер он уделял своей новой знакомой". "Пильняку куда-то надо было попасть в этот вечер, – вспоминает Софья Толстая, – и он ушел раньше. Я же осталась. Засиделись мы допоздна. Чувствовала я себя весь вечер как-то особенно радостно и легко. Наконец я стала собираться. ...Решили, что Есенин пойдет меня провожать. Мы вышли с ним вместе на улицу и долго бродили по ночной Москве... Эта встреча и решила мою судьбу".

Сразу же возникло у Сергея мысль о женидьбе на внучке Толстой, или позже, но встреча с ней окончательно подорвали его отношения с Галей. 21 марта поэт написал Бениславской письмо, в котором подтвердил свое отношение к ней: "Милая Галя! Вы мне близки, как друг, но я Вас нисколько не люблю, как женщину". Разрыв с Бениславской назревал давно. Пока Бениславская нужна была Есенину, он относился к ней нежно, ласково, защищал ее от нападок своих приятелей, которые говорили, будто бы она изменяла Сергею со всеми его друзьями. Галя вела все его литературные дела, выбивала деньги из издательств, размещала его произведения по журналам, выполняла все его поручения по поводу Кати и Шуры. Галя надеялась, что сможет создать Сергею семейный уют и спокойную жизнь. Приобреталась новая мебель, была взята прислуга,

Ольга Ивановна. Александра Есенина признавала, что "Гале очень нравилась эта семейная жизнь". Буквально за два месяца до своего резкого письма, Сергей писал из Батума: " Может быть, в мире все мираж, и мы только кажемся друг другу. Ради бога, не будьте миражем Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая..."

Но теперь, в июне, он решил сделать ставку на Софью Толстую. А для Гали все ее надежды на любовь и привязанность к ней Сергея оказались действительно миражом. Толстая была не такой уж красавицей. В 1925 году ей было двадцать пять лет. "Выше среднего роста, – характеризует ее А. Есенина, – немного сутуловатая, с небольшими серовато-голубыми глазами под нависшими бровями, она очень походила на своего дедушку — Льва Николаевича; властная, резкая в гневе и мило улыбающаяся, сентиментальная в хорошем настроении. «Душка», «душенька», «миленькая» были излюбленными ее словами и употреблялись ею часто, но не всегда искренне". "Она была сверх меры горда, – пишет М. Ройзман, – требовала соблюдения этикета и беспрекословного согласия с ее мнением".

16 июня Сергей пишет сестре Кате: "Я женюсь на Толстой и уезжаю с ней в Крым". Двойственные чувства заставили Есенина принять это решение. С одной стороны Сергей постоянно вспоминал о своей юности и "девушке в белом", к которой он испытал первую чистую юношескую любовь. "Я страдал...Я хотел ответа..." – повторял поэт, вспоминая Аню Сардановскую или Машу Бальзамову. Идеал свой Есенин выразил в стихотворении, написанном летом 1925 года:

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она васильковыми
Только мне -
Не кому-нибудь -
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Но поэт выбрал не милую девушку, а внучку великого писателя. Сергей

примеривался давно к звучанию своего имени среди славных имен России. "Когда-то Есенин хотел жениться на дочери Шаляпина, – отмечал Мариенгоф, – рыженькой, веснушчатой дурнушке. Потом — Айседора Дункан. И все для биографии.

Есенин — Шаляпина!

Есенин — Дункан!

Есенин — Толстая!"

— Скажи откровенно, что звучит лучше: Есенин и Толстая или Есенин и Шаляпина? – спрашивал Сергей у Рюрика Ивнева. – Я познакомился с внучкой Льва Толстого и с племянницей Шаляпина. Обе, мне кажется, согласятся, если я сделаю предложение, и я хочу от тебя дышать совет, на которой из них мне остановить выбор?

— А тебе разве все равно, на какой? — спросил Ивнев с удивлением.

— Дело не в том, все равно или не все равно... Главное том, что я хочу знать, какое имя звучит более громко".

Раздраженная изменой Бениславская наговорила много резких слов в адрес Сергея, в том числе и по поводу Софьи Андреевны. "Погнался за именем Толстой — все его жалеют и презирают: не любит, а женился — ради чего же, напрашивается у всех вопрос; и для меня эта женитьба открыла глаза: если она гонится за именем, быть может того не подозревая, то они ведь квиты. Если бы в ней чувствовалась одаренность, то это можно иначе толковать. Но даже она сама говорит, что, будь она не Толстая, ее никто не заметил бы даже. Сергей говорит, что он жалеет ее. Но почему жалеет? Только из-за фамилии. Не пожалел же он меня. Не пожалел Вольпин, Риту и других, о которых я не знаю. Он сам себя обрекает на несчастья и неудачи. Ведь есть кроме него люди, и они понимают механизм его добывания славы и известности. А как много он выиграл бы, если бы эту славу завоевывал бы только талантом, а не этими способами. Ведь он такая же блядь, как француженки, отдающиеся молочнику, дворнику и пр(очим). Спать с женщиной, противной ему физически, из-за фамилии и квартиры — это не фунт изюму. Я на это никогда не смогла бы пойти. Я не знаю, быть может, это вино вытравило в нем всякий намек на чувство порядочности. Хотя, судя по Кате, эта расчетливость в нем органична".

Для Есенина было крайне тяжело осознавать разрыв с Галей. Но он ничего не мог поделать. Гордость руководила его поступками, и он был полностью подчинен этому влиянию. Хотя разрыв с Бениславской тяжело отразился на психологическом комфорте поэта. Софья Виноградская правильно отмечает: "Когда между ним и

Бениславской произошел разрыв, Есенин понял, что потерял ценнейшую опору в жизни — друга. Он вышел из ее комнаты и в коридоре сказал себе вслух: «Ну, теперь уж меня никто не любит, раз Галя не любит».

Однако не только Есенин был физически неверен Гале. Долгое отсутствие Сергея на Кавказе постепенно привели к тому, что Бениславская также скрашивала свое одиночество. Она познакомилась с Львом Седовым, сыном Троцкого. "Я очень рада встрече с Л. — писала Бениславская. — Это единственный, кто дал мне почувствовать радость, и не только физически, радость быть любимой. Ведь Покровский — это только самообман. Мне нужен был самообман, я внушала себе и всему, что я должна была скрывать от Сергея, я могла давать волю с Покровским. И только Л. был настоящим". Бениславская переживает этот свой поступок, называет его безрассудством. Долгое время она надеялась, что Сергей ее полюбит. Но мечты ее не сбылись. Слишком часто Есенин повторял, что "не любит ее как женщину". С этого момента начинаются конфликты, сначала кратковременные, но углубляющиеся и становящиеся постоянными.

После возвращения с Кавказа в мае месяце Есенин признавался, что скучал там, что он не знал и не хотел знать ни одной женщины, и когда они досаждали ему, он говорил, что «У меня есть Галя». Узнав об измене Бениславской, Сергей начал ревновать. "Если у меня к женщине есть страсть, — говорил он, то я сумасшедший. Я все равно буду ревновать, Вы не знаете, что это такое. Вы пойдете на службу, а я не поверю. Я вообще не могу тогда отпускать вас от себя, а если мне покажется, то бить буду. Я сам боюсь этого, не хочу, но знаю, что буду бить. Вас я не хочу бить, вас нельзя бить. Я двух женщин бил, Зинаиду и Изадору, и не мог иначе, для меня любовь — это страшное мучение, это так мучительно. Я тогда ничего не помню, и в отношении вас я очень боюсь этого. Смотрите, быть вам битой».

Скоро Галя подсознательно начинает ненавидеть Сергея. Она обижается на его оскорбительное поведение. Она взрывается, и в этом взрыве проявляется ее подлинная обида, хотя она не осознает полностью, насколько она подлинна. "Сергей — хам. При всем его богатстве — хам. Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам. А ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него".

Наконец-то Галя начала осознавать, что в действительности ее любовь — это

болезненная зависимость. И она реагирует на него презрением к себе, анализируя свои поступки и поступки Есенина. Увеличивающаяся обида, которая вырастает из ощущения равнодушного к ней отношения, отталкивает ее. Появляется критическое к себе отношение, Галя ругает себя за свое постоянство и верную любовь. "Дура я была бы после этого покорно склоняться со своей верностью, и все же до Л., даже «изменяя», вернее, уходя от Сергея физически, я была ему верна, я всегда избегала людей, чем-либо интересных мне (избегала подсознательно)... Единственная измена — Л. Этой зимой я поняла, что если Сергея я люблю больше всего, больше, чем себя самое, то все же к Л. у меня не только страсть. Боже мой, ведь Сергей должен был верить мне и хоть немного дорожить мной, я знаю — другой такой, любившей Сергея не для себя самой, другой он не найдет; и Сергей не верил, швырялся мной. И если я не смогла отдать Сергею все совсем, если я себя как женщину не смогла бросить ему под ноги, не смогла сломать свою гордость до конца — то разве ж можно было требовать это от меня, ничего не давая мне?"

Расстался Сергей с Галей грубо. Сразу же переехал к Наседкину, который жил в меблированных комнатах Романова на углу Малой Бронной и Тверского бульвара. Единственное окно в узкой, длинной комнате Наседкина в первом этаже выходило во двор, обнесенный высокой каменной стеной. В комнату никогда не заглядывало солнце, и даже короткое пребывание в ней наводило на человека тоску. И снова у Сергея ни спокойного угла, ни семейного уюта. Часть бумаг у Сахарова, часть еще где-то. Есенину тридцать лет, а собственного жилища у него как не было, так и нет. Его постоянно терзает раскаяние за бегство от Гали. Но когда он пришел к ней, трезвый, просить прощения, Бениславская резко крикнула:

— Вон! — крикнула она и указала на дверь.

Ни Сергей, ни Галя после этого уже не возобновляли попыток к примирению.

"Я никогда не скрывала своих увлечений, — писала потом Бениславская, — но Сергей Александрович сам знал (я ему подтверждала), что — что бы ни было — я всегда его, всегда по первому зову все абсолютно брошу. Знал он также, что виноват передо мной не меньше, чем я перед ним, и что он не вправе требовать от меня верности".

История отношений Гали и Сергея подошла к концу.

Постепенно Есенин перебрался на квартиру к Толстой в Померанцевом переулке, но здесь, в мрачной музейной тишине было неуютно и нерадостно.

Оказавшись один на один с Толстой, Сергей понял, что они совершенно разные люди, с разными интересами и разными взглядами на жизнь. Есенин попал в какой-то литературный музей, где мысли всех присутствующих были обращены к памяти великого предка. С другой стороны, отмечает Ст. Куняев: "Есенин полагал, что в этом доме центральной фигурой будет он – великий русский поэт.." Однако гордость Есенина была ущемлена. Если Соня и старалась помогать своему жениху в его литературном творчестве, то мать ее Ольга Константиновна, с неприязнью отнеслась к поэту, требующему особого внимания к себе, да еще устраивающего пьяные скандалы, посиделки с водкой и "друзьями". Один из друзей Сергея, Юрий Либединский вспоминает: «Когда я зашел к нему, он на мой вопрос, как ему живется, ответил:

— Скучно. Борода надоела...

Надоело мне это, и все! — сказал он с какой-то яростью».

По этой причине, несмотря на разрыв, продолжал заходить к Гале, переночевать. "Трезвый он не заходит, – обиженно пишет Бениславская, – забывает. Напьется — сейчас же 58-36 (телефон в квартире), с ночевкой. В чем дело? Или у пьяного прорывается и ему хочется видеть меня, а трезвому не хватает смелости? Или оттого, что Толстая противна, у пьяного нет сил ехать к ней, а ночевать где-нибудь надо? Верней всего, даже не задумывался над этим. Не хочется к Толстой, ну а сюда так просто, как домой; привык, что я не ругаю пьяного и т. д. Была бы комната, поехал бы туда".

Анна Берзинь, много хлопотала о Сергее, своем бывшем увлечении. И в тоже время с чисто женским коварством пыталась показать себя сторонницей Есенина, заботясь о его психологическом и материальном комфорте. Незадолго перед "свадьбой" состоялась вечеринка, о которой Берзинь подробно рассказала в своих воспоминаниях.

«За столом сидят Галина, Вася Наседкин, Борис Андреевич Пильняк, двоюродный брат Сергея, который за ним ходил по пятам, незнакомая женщина, оказавшаяся Толстой, сестры Сергея. Сам он пьяный, беспорядочно суетливый, улыбающийся. Он усаживает меня между Пильняком и Софьей Андреевной. Сам салится на диван и с торжеством смотрит на меня.

Галина Артуровна то и дело встает и выходит по хозяйским делам на кухню. Она все время в движении.

Шура, Катя, Сергей поют под баяны, но Сергей поет с перерывами, смолкая, он бессильно откидывается на спинку дивана, опять выпрямляется и опять поет. Лицо у

него бледное, губы он закусывает — это показывает очень сильную степень опьянения.

Я поворачиваюсь к Софье Андреевне и спрашиваю:

— Вы действительно собираетесь за него замуж?

Она очень спокойна, ее не шокирует гам, царящий в комнате.

— Да, у нас вопрос решен, — отвечает она и прямо смотрит на меня.

— Вы же видите, он совсем невменяемый. Разве ему время жениться, его в больницу надо положить. Лечить его надо.

— Я уверена, — отвечает Софья Андреевна, — что мне удастся удержать его от пьянства.

— Вы давно его знаете? — задаю я опять вопрос.

— А разве это играет какую-нибудь роль? — Глаза ее глядят несколько недоуменно. — Разве надо обязательно долго знать человека, чтобы полюбить его?

— Полюбить, — тяну я, — ладно полюбить, а вот выйти замуж — это другое дело...

Она слегка пожимает плечами, потом встает и подходит к откинувшемуся на спинку дивана Сергею. Она наклоняется и нежно проводит рукой по его лбу. Он, не открывая глаз, отстраняет ее руку и что-то бормочет. Она опять проводит рукой по его лбу, и он, открыв глаза, зло смотрит на нее, опять отбрасывает руку и добавляет нецензурную фразу.

Она спокойно отходит от него и садится на свое место как ни в чем не бывало.

— Вот видите, разве можно за него замуж идти, если он невесту материт, — говорю я.

И она опять спокойно отвечает:

— Он очень сильно пьян и не понимает, что делает.

— А он редко бывает трезвым...

— Ничего, он перестанет пить, я в этом уверена. — Она действительно, кажется, в этом уверена.

Галя наливает стакан водки и подает Сергею, он приподнимается и шарит по столу. Катя и я киваем: пусть уж напьется и сразу уснет, чем будет безобразничать и ругаться. Сергей Александрович выпивает водку и валится на диван.

— Пойдемте, — говорю я и, повернувшись к Пильняку, добавляю: — Вы проводите Софью Андреевну, ведь уже поздно. За очками поблескивают хитрые и

насмешливые глаза. Я отвожу взгляд, а он, пригнувшись к моему уху, говорит достаточно громко, чтобы слышала Софья Андреевна:

— Я пойду провожать вас, а ее пусть кто угодно провожает. Целованных и чужих любовниц не провожаю...

Я растерянно поднимаюсь из-за стола и, взяв Бениславскую за руку, выхожу с ней в коридор.

— В чем дело, Галя, я ничего не понимаю...

У нее жалкая улыбка.

— Что же тут не понимать? Сергей собирается жениться... Он же сказал тебе об этом...

— Ты же знаешь, что Сергей болен, какая же тут свадьба? Она устало машет рукой, и в ее глазах я вижу боль и муку:

— Пусть женится, не отговаривай, может быть, она поможет, и он перестанет пить...

— Ты в это веришь, Галя?

Она утвердительно кивает головой.

В коридор выходят остальные. Только трое баянистов продолжают раздирать квартиру песнями. Сергей под их музыку спит, откинув голову. Лицо его бледно, губы закушены.

Усталая Галя провожает нас до двери..."

Празднование свадьбы состоялось в июле 1925 года, хотя официально Есенин и Толстая зарегистрировались в сентябре. На "свадьбе" Софья Андреевна с улыбкой говорила, что она хочет верить, что Сергей уйдет от пьянства, что он излечится от этого недуга. В столовой Толстой, похожей на музей — все стены были украшены различными портретами Л. Н. Толстого, висели сувениры, записочки и, кажется, молитвы, писанные рукою Льва Николаевича,— было много народу, на столе стояли пустые бутылки из-под вина. Сергей был слегка возбужден, и что-то невеселое было в этом возбуждении...

"Сергея оберегали, — вспоминал Борисов, — не давали ему напиваться... Вместо вина наливали в стакан воду. Сергей чокался, пил, отчаянно морщился и закусывал — была у него такая черта наивного, бескорыстного притворства... Но весёлым в тот вечер Сергей не был".

— Не выйдет у меня ничего из женитьбы! — плакал Есенин на краю кровати,

ухватившись за спинку с шишечками.

– Ну, если ты видишь, что из этого ничего не выйдет, откажись,— посоветовал ему один из друзей.

Нельзя,— возразил Сергей очень серьезно.— Ведь ты подумай: его самого внука! Ведь это так и должно быть, что Есенину жениться на внучке Льва Толстого, это так и должно быть!

"В голосе его слышались гордость, – пишет Ю. Либединский, – и какой-то по-крестьянски разумный расчет".

2. "Да... я ищу гибели"

После скандала в деревне Есенин крепился четыре дня, потом снова запил. К нему каждый день заходило по несколько человек. Среди заходивших были пропойцы, которых Есенин не помнил и часто не знал совсем. Они преследовали его по улицам и на квартире. "По своей подозрительности, – отмечал Наседкин, – Сергей принимал их то за агентов МУРа, то ГПУ". А может, действительно, за поэтом следили чекисты. Есенин, как и Пушкин, скорее всего "находился под тайным надзором". Да и кто не был опутан слежкой в эти смутные годы. Деятели с Лубянки контролировали каждый шаг творческой богемы.

Безденежье снова начало терзать поэта. Последние гроши уходили на выпивку и родным в Константиново. Наконец друзья похлопотали насчет издания трехтомного "Собрания стихотворений" поэта. Есенин стал часто появляться в Госиздате, вел переговоры с И. Евдокимовым. 30 июня, был подписан договор: поэт обеспечивал свою жизнь на много месяцев вперед. С июля началась выдача денег, по тысяче рублей ежемесячно. Факт заключения договора с Есениным по высшей ставке — рубль за строку, никому из других поэтов не назначаемой, свидетельствовал о высокой оценке есенинского творчества. Когда Маяковский узнал о такой оплате, то весь искривился от зависти. Надо было видеть ту редкую радость, которая была в синих глазах Есенина, когда дело закончилось во всех инстанциях. Вскоре Есенин принес первую партию стихотворений, затем другую. Однако рукописи были в хаотическом состоянии. У Есенина не было никакого плана издания, рукопись была неудобна для набора, в разных местах попадались одни и те же стихотворения, поэмы мешались с ранними стихотворениями и наоборот, вообще полная неразбериха.

В первой половине июля Сергей уезжает в деревню, или, как мы говорили, «домой». Дома он прожил около недели. В это время шел сенокос, стояла тихая, сухая погода, и Сергей почти ежедневно уходил из дома, то на сенокос к отцу и помогал ему косить, то на два дня уезжал с рыбацкой артелью, километров за пятнадцать от нашего села ловить рыбу. Находясь в деревне, Сергей написал стихотворение, посвященное Софье Толстой:

Видно, так заведено навеки -
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

"В последние два года Есенин все собирался поехать в деревню, – писал Воронской, – и как следует пожить там. Он знал, что болен, и казалось, что болезни своей он серьезно боялся. Он тосковал по простой и несложной жизни, по простым людским отношениям и простым вещам".

Но психическое состояние поэта неуклонно ухудшалось. Недовольство семейной жизнью стало проявляться все больше. В конце июля Есенин пишет Вержбицкому:

"Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ!..

С новой семьей вряд ли что получится, слишком все здесь заполнено «великим старцем», его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня...»

Есенин мечется. Хотел поехать в Италию к Горькому, написал даже в некотором роде льстивое письмо великому писателю. "Скажу Вам только одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого". Однако от Горького он не дождался ни приглашения, ни ласкового слова. В конце июля Сергей и Соня уехали на Кавказ, в гости к тому же Чагину.

28 июля супруги приехали в Баку и поселились на ханской даче П.И. Чагина в Мардакянах. Но спокойствия не было. Минуты печали и тревоги сменялись минутами вакхических приключений, которые заканчивались, как всегда, в каталажке. "Дружище Сергей, – писал поэту П.И. Чагин, – ты восстановил против себя милицейскую публику (среди нее, между прочим, партийцы) дьявольски. Эти объясняется, что при всей моей нажимистости два дня ничего не удавалось сделать, видимо из садистических побуждений милиция старалась тебя дольше подержать в своих руках". А сама Соня, вынужденная взять на себя роль Бениславской и заботиться о пьяном Сергее, писала Наседкину: "Сижу со своим благоверным с Божьей помощью в 5-м районе милиции города Баку...Он весь, весь побитый, пораненный. Страшно милый и страшно грустный".

Соня действительно любила Сергея и искренне верила в то, что сможет исправить Есенина. 13 августа 1925 года она написала своей матери из Мардакян:

"Мама моя, дорогая, милая... Ты скажешь, что я влюбленная дура но я говорю, положив руку на сердце, что не встречала я в жизни такой мягкости, кротости и доброты. Мне иногда плакать хочется, когда смотрю на него. Ведь он совсем ребенок, наивный и трогательный. И потому когда он после грехопадения — пьянства кладет голову мне на руки и говорит, что без меня погибнет, то я даже сердиться не могу, глажу его больную головку и плачу, плачу..."

Однако сам Есенин стал относиться к Толстой с всё большей неприязнью. Он пил, находясь в состоянии психологического самоугнетения и полной фрустрации всех чувств. В это время Евдокимов потребовал от Есенина немедленно приехать в Москву, в противном случае расторгали договор об издании собрания сочинений. Сергею пришлось срочно покинуть Баку. В поезде Есенин постоянно пил, пытался вломиться в купе, где ехал дипломатический курьер НКВД Адольф Рога. Ссора произошла, когда поезд, охранявшийся чекистами, стал подъезжать к Москве. "По всем наружным признакам Есенин был в полном опьянении, – писал в своем рапорте Рога, – в таком состоянии он появлялся в течении дня несколько раз... По дороге освидетельствовать состояние Есенина согласился врач Левит, член Моссовета, но последнего Есенин не подпустил к себе и обругал "жидовской" мордой".

При выходе из поезда на Курском вокзале Есенина и Толстую задержали. Составили протокол. Дело тянуло на мелкое хулиганство. Однако по требованию Рога и Левита наркомат иностранных дел обратился к московскому прокурору с требованием

привлечь поэта к уголовной ответственности. Начались допросы, предстоял суд. Поэт не знал, куда деться от милиции. В возбужденном состоянии прибежал к бывшей жене своей Анне Изрядновой. "В сентябре 1925 года пришел с большим белым свертком в 8 часов утра, не здороваясь, обращается с вопросом:

— У тебя есть печь?

— Печь, что ли, что хочешь?

— Нет, мне надо сжечь.

Стала уговаривать его, чтобы не жег, жалеть будет после, потому что и раньше бывали такие случаи: придет, порвет свои карточки, рукописи, а потом ругает меня — зачем давала. В этот раз никакие уговоры не действовали, волнуется, говорит: «Неужели даже ты не сделаешь для меня то, что я хочу?»

С Кавказа Сергей, по словам А. Есениной: "вернулся таким же, каким и уехал: усталым, нервным.... Отношения с Соней у него в это время не ладилась". Куда-то исчезла его крестьянская хитрость и изворотливость, когда он умел войти в душу всеильного редактора, издателя. На этот раз Есенин почему-то спасовал, неудачно отстаивал свои интересы с Госиздатом, которому продал права на Собрание сочинений. Во время переговоров, почти не глядя, собирался подписывать договор, и только благодаря более настырной и деловой сестре Екатерине и Наседкину получил от Госиздата 10 тысяч вместо 6 тысяч, на которые он уже почти согласился.

Большие проблемы доставляла ему старшая сестра. Катерина в четырнадцать лет начала курить, принимала участие во всех вечеринках, на которые приглашался поэт. К Кате у Есенина была какая-то болезненная, тревожная любовь. Он знал, что они во многом похожи друг на друга, как близнецы, что воспринимают и чувствуют почти одинаково. Знал свои ошибки и страшно боялся повторения их Катей. Кроме того, он не раз говорил, что он имел право на многое, потому что знал себе цену, а ей этого нельзя. "На мои утверждения, – писала Галина Бениславская, – что Катя умная, не раз говорил: «Нет, хитрая она. Всё в ней — хитрость, а не ум. Я не такой — я все-таки хороший, а она все хитрит, хитрит"... Вообще Катя в жизни Сергея Александровича совершенно невольно была злым гением, постоянно нарушая и без того неустойчивое душевное равновесие его и, кроме того, опять-таки невольно, являясь камнем преткновения с окружающими".

Несмотря на домашние и личные проблемы поэт постоянно появляется в издательстве – Евдокимов заставляет его работать над собранием. Они обсуждают план

издания, разбирают рукописи. Сергей никак не может упорядочить их, постоянно переписывает стихи и поэмы (вернее, переписывает их его новая жена). По словам Евдокимова, пьяный Есенин "раздраженно бормотал о каких-то и от кого-то обидах, собирался куда-то уезжать, а потом внезапно поднимался, сулил зайти — и не заходил. При таком его состоянии работа над изданием была немыслима... Есенин исхудал, побледнел, руки у него тряслись, на лице его, словно от непосильной работы, была глубочайшая усталость, он капризничал, покрикивал на жену, был груб с нею".

От долгого пьянства нервы Есенина были расшатаны окончательно. Нужно было лечиться по-настоящему. Галя уговорила его отдохнуть в одном подмосковном санатории. Дня четыре она и Екатерина хлопотали в Мосздраве. Наконец путевка получена, санаторий осмотрен; все хорошо. Но в последний момент Есенин ехать не захотел. Анна Абрамовна и Вардин уговаривали Сергея поехать лечиться за границу, в Германию. Однако поэт наотрез отказывался. Придя к Евдокимову в издательство, он горько и жалобно кричал на диванчике:

— Евдокимыч, я не хочу за границу? Меня хотят отправить лечиться к немцам? А мне противно! Я не хочу! Какой черт! Ну их немцев! Тьфу! Скучно там, скучно! Выл я за границей – тошнит меня от заграницы! Я не могу без России! Я сдохну там! Я буду волноваться! Мне надо в деревню, в Рязанскую губернию, под Москву куда-нибудь, и санаторий. Ну, их к ...!..

Я околею там по России. Ах, Евдокимыч, если бы ты знал, как я люблю Россию".

Тема смерти начинает настойчиво звучать в новых стихотворениях Есенина.

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

.....

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

После одной пьяной ночи, обратив внимание на ужасный, замученный вид поэта, Наседкин сказал: "Так ведь недалеко и до конца". Есенин устало, но как о чем-то решенном, проговорил:

— Да... я ищу гибели.

Немного помолчав, так же устало и глухо добавил:

— Надоело все.

В другой раз Сергей снова заводит свой бесконечный разговор, уже с Вольфом Эрлихом:

— Слушай... Я — конченный человек... Я очень болен... Прежде всего — малодушием... Я говорю это тебе, мальчику... Прежде я не сказал бы этого и человеку вдвое старше меня. Я очень несчастлив. У меня нет ничего в жизни. Все изменило мне. Понимаешь? Все! Разочарование жизнью Сергей выражает в своем новом стихотворении:

Жизнь - обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: "Лишь сердце потревожь,
Жизнь - обман, но и она порою

Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе".

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь - стезя
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменяют легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, -
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил - забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Есенин оптимистично заканчивает свое печальное стихотворение. Ему кажется, что снова он может воспрянуть духом, несмотря на предательство и измены друзей. Но семейная жизнь не ладилась, работа над Собранием сочинений шла со скрипом, хотя первый том был почти подготовлен. Поэт начинает судорожно искать выхода, но пьяная канитель снова захлестывает его. От одного стакана вина он уже хмелел и начинал «расходиться». Софья Андреевна и сестра Екатерина в эти моменты не спали по целым

ночам.

Василий Наседкин, Ал. Есенина, Ек. Есенина, Александр Сахаров, Есенин, Софья Толстая. Москва. 1925 год

Отрезвев, Есенин говорил, что из того, что случилось, он ничего не помнит. У него начались галлюцинации. Усиливалась мания преследования. Друзья устроили "заговор" о принудительном лечении Есенина, но поэт ни о каком лечении пока не хотел и слышать. "Его запои в это время чередовались с большой

точностью, – вспоминает Наседкин. – Я уже заранее знал, в какие дни Есенин будет пьян и в какие — трезв. Неделя делилась на две половины, на трезвую и пьяную. Трезвая половина случалась на сутки дольше....

Старые знакомые потихоньку сторонились его, а на их место притекала богема, нищая и жадная до выпивки на чужой счет.

Трезвый Есенин, с первого взгляда, мало походил на больного. Только всматриваясь в него пристальней, я замечал, что он очень устал. Часто нервничал из-за пустяков, руки его дрожали, веки были сильно воспалены. Хотя бывали и такие дни, когда эти признаки переутомления и внутреннего недуга ослабевали.

В первый и во второй день после запойной полунедели до обеда Есенин обыкновенно писал или читал. Писал он много, случалось до 8 стихотворений сразу....

"Свои замечательные стихи 1925 года, – вспоминал Мариенгоф, – Есенин писал в тот единственный час, когда был человеком. Он писал их почти без помарок. Тем не менее они были безукоризненны даже по форме, более изощренной, чем когда-либо. Я говорю — изощренной, понимая под этим лиричность, точность, предельную простоту при своеобразии. Это было подлинное чудо. В молодые добрые времена он никогда не работал легко и быстро".

— Я сам удивляюсь, – улыбался Есенин Наседкину, – прет черт знает как. Не могу остановиться. Как заведенная машина.

В коротких стихах этого периода Есенин как бы пытается спрятаться в воспоминаниях детства, забыть о том настроении, в котором он находится сейчас. Рождались эти стихи совершенно неожиданно, полностью возникая в голове и ложась на бумагу без помарок. Все эти лирические экспромты объединены одной общей идеей - предчувствием близкой гибели. В них, как и в других последних стихотворениях Есенина, постоянно проходит одна и та же тема: юность, воспоминания о родном доме, потерянная любовь, недостижимое счастье, метели, луна, зыбучие снега.

"Мчится на тройке чужая младость.
Где мое счастье? Где моя радость?..."

"Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело...далече...мимо..."

Ощущение близкого конца все больше и больше проявляется в поздней лирике Есенина. Смертельная усталость, мрачные, зимние пейзажи, тоскливая интонация.

Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах и вине.

И наконец, в одном из четверостиший поэт прямо говорит о своей близкой смерти.

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?.

На вечере поэзии в Доме Печати Есенин должен был выступить вне программы. Он долго ждал своей очереди в соседней комнатке. Затем вышел на эстраду. Прочел новые, тогда еще не опубликованные стихи из цикла «Персидские мотивы» и ряд других стихотворений. "Голос у него был хриплый, – вспоминает Грузинов. – Читал он с большим напряжением. Градом с него лил пот". Затем начал читать "Синий туман. Снеговое раздолье...», стихотворение, в котором он снова возвращается к своему детству, вспоминает бабушку и деда. Эти воспоминания усиливают его обостренную, "шизоидную" чувствительность. В Сергее все больше возникает чувство изолированности и беспомощности перед потенциально враждебным миром. Поэтому тяга к смерти, к угнетению своих чувств, к лишению здорового и нормального ощущения самого себя все больше развивает в Сергее глубокий пессимизм. Есенин вдруг остановился и никак не мог прочесть заключительные восемь строк этого стихотворения. Поэта охватило сильнейшее волнение. Он не мог произнести ни слова. Его душили слезы. Он прервал чтение, но через несколько мгновений овладел собой. С трудом дочитал до конца последние строки:

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей, —
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас.—
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

"Это публичное выступление Есенина было последним в его жизни, – писал Грузинов. – Есенин прощался с эстрадой".

3. Постоянные попытки причинить себе вред

В сентябре Есенин неожиданно уехал в Ленинград. Что он там делал, неизвестно. Надя Вольпин рассказывала, что, будучи у Сахаровых, слышала, будто в тот свой приезд Есенин ходил на Мойку с мыслью утопиться. "Но хмурая, осенняя река посмотрела на него холодной, неприятной,— не упокоит такая могила! И отказался от замысла, отложил..."

— Сами знаете,— сказал мне Александр Михайлович,— он уже раз пробовал такое, вену вскрывал...

— Тогда, в двадцать четвертом году? Та черная повязка на руке?

— Ну, да! А вы что, поверили, будто он стекло подвальное продавил? Ясно же было: аккуратненько вену перерезал. Нигде, ни на руке, ни на одном пальце ни царапины. Да как вы могли поверить?"

Мариенгоф также говорил о попытке самоубийства Есенина, и это вполне правдоподобное мнение. Саморазрушительные влечения есенинской психики проявились еще в юности, когда Сергей выпил эссенцию в ситуации переживания от несчастливой любви к Ане Сардановской. Они постоянно проявлялись у Есенина в более или менее сильной форме. "К концу 1925 года, — отмечал Мариенгоф, — решение «уйти» стало у него маниакальным. Он ложился под колеса дачного поезда, пытался выброситься из окна, перерезать вену обломком стекла, заколоть себя кухонным ножом".

Саморазрушительные действия, отмечает Карен Хорни, "случаются только у тех, кто до такой степени живет в воображении, что презирает реальность, включая реальность самих себя...Они часто проявляются после проблесков понимания...внезапное пронизательное видение некоторого несовершенства, быстро вспыхивающее и проходящее, сопровождается столь же внезапным резким импульсом вырвать глаза, перерезать горло или ударить ножом в живот...У представителей этого типа временами могут быть и суицидальные импульсы, например, спрыгнуть с балкона или с обрыва —импульсы, которые возникают в определенных условиях и кажутся громом среди ясного неба...побуждение спрыгнуть с высоты может вдруг быть столь сильным, что человек должен схватиться за что-нибудь, чтобы не поддаться и не сделать этого. Или оно может вести к реальной попытке самоубийства".

Еще во время его путешествия за границу у Есенина вспыхивали подобные приступы. "Временами, когда на Сергея нападала русская тоска, — пишет Мэри Дести в своих несколько пристрастных "Воспоминаниях". — Айседоре трудно было с ним

справиться. Очень часто она заставляла его стоящим на подоконнике и грозящим выброситься из окна отеля". Клюев, встретившись с Чернявским, рассказал, что Сергей в Питере и приходил к нему, что на него «смотреть страшно, одна шкура от человека осталась... а найти — как его найдешь? Не сегодня-завтра уезжает, скоро обещает вернуться».

Вернувшись в Москву, Есенин написал окончательную версию "Черного человека", которая полностью передавала его внутренний мир того периода. Конфликт душевных противоречий подошел к своему финалу. "В стихах последнего времени поэт всенародно, – отмечает Воронской, – с крайней прямоотой, с обнаженностью и искренностью...предупреждает о своем конце...Вокруг поэта нет ни друзей, ни любимых, он – чужестранец даже в родном краю...Он думает только о себе, индивидуализм дошел до крайности. Поэт болен, он у могилы. В известной своей части стихи этого времени являются уже материалом для психиатра и клиники: такова в особенности его поэма о "черном человеке". Над «Черным человеком» Есенин работал два года. Эта жуткая лирическая исповедь требовала от него колоссального напряжения и самонаблюдения. Наседкин вспоминал: "Я дважды заставлял его пьяным в цилиндре и с тростью перед большим зеркалом с непередаваемой нечеловеческой усмешкой, разговаривавшим со своим двойником-отражением или молча наблюдавшим за собою и как бы прислушивающимся к самому себе".

Навязчивая идея о близкой смерти постепенно охватывала Есенина. Он даже шутит на "смертельные" темы.

- Напиши обо мне некролог, – просит он Грузинова, и объясняет свое желание: "Я скроюсь. Преданные мне люди устроят мои похороны. В газетах и журналах появятся статьи. Потом я явлюсь. Я скроюсь на неделю, на две, чтобы журналы успели напечатать обо мне статьи. А потом я явлюсь....

— Посмотрим, как они напишут обо мне! Увидим, кто друг, кто враг!"

И снова деление окружающих его людей на друзей и врагов, выявление тех, кто "за" и кто "против" его славы, его звания первого поэта. В «трезвые» дни Есенин никого не принимал. Его никуда не тянул, он ни с кем не хотел видеться. Как будто и друзей у него не было. Встречался со своими знакомыми только в запойные дни, в ресторанах, в пивных, на чужих квартирах и где попало, только не в нормальной человеческой обстановке. При этом обычно слушал только похвалы в свой адрес.

"Компанией человек в пять, – вспоминает Наседкин, – обедали в одной

азиатской столовой — на Трубной площади. Один из компании раздобыл водки (бутылку или две — не помню). Есенин не ждал ее и не просил, но водка уже принесена. Оставалось — пить. За обедом шла беседа о литературе, о Есенине. Его захваливали..." Потом чуть не разругался с Наседкиным, когда он не принял сравнения Есенина с Пушкиным, которые щедро отпускали собутыльники поэта. После этого стали расходиться. "На Тверском бульваре (шли бульварами) я свернул к себе на квартиру, — пишет Наседкин, — пообещав компании прибыть через полчаса.

Меня встретила Софья Андреевна, встревоженная и беспомощная.

— Как Сергей?

— Пьет... С(ахар)ов принес ужас сколько вина".

Есенин тщательно следил за отзывами о своем творчестве. Через бюро вырезок Есенин знал все, что писалось о нем в газетах. За ростом новых литературных сил Сергей следил очень внимательно. "Быстрый подъем некоторых поэтов как будто даже тревожил его, — отмечает Наседкин, — вызывая в нем опасения за свое первенство. Знамя же первого поэта он старался не выпускать из своих рук до конца дней".

А Вольфу Эрлиху Есенин как-то пожаловался:

— У меня нет соперников, и потому я не могу работать.

Да и материальное положение поэта не из лучших. Снова Есенин попадает в полосу безденежья. С кем бы ни встречался Есенин в последние месяцы 1925 года, все современники отмечали его потускневшее обличье, усталый и несчастный вид. Как то на углу Рождественки он встретился с Асеевым. Зашли в пивную. Сергей стал оглядываться подозрительно и жутко. Наклонясь через стол к Асееву, зашептал о том, "что за ним следят, что ему одному нельзя оставаться ни минуты, ну да он-де тоже но промах — и, ударяя себя по карману, начал уверять, что у него всегда с собой «собачка», что он живым в руки не дастся".

Пьяным Есенин не был, но был "горячно возбужден своими видениями, был весь пропитан смутной боязнью чего-то и эту боязнь пытался заглушить наигранным удалством и молодечеством". Есенин стал читать «Черного человека» с тоном подозрительности, оглядки, боязни преследования. Потом сказал, что эта поэма лучшее, что он когда-нибудь делал. Жаловался, что она не нравится редакторам, что ее не хотят печатать, что он должен писать лирику, зная цену этим "романсам".

— Никто тебя знать не будет, если не писать лирики; на фунт помолу нужен пуд навозу — вот что нужно. А без славы ничего не будет! Хоть ты пополам разорвись —

тебя не услышат. Так вот Пастернаком и проживешь!..

4. Диагноз – навязчивая мысль о самоубийстве

Наступает последняя фаза развития есенинского невротического пути к славе. Постоянное бессознательно руководящее всеми его поступками желание возвыситься над другими, стать самым первым, самым значительным поэтом, подводит его к черте, за которой уже нет выхода. Его настоящие чувства и желания перестают быть определяющими факторами в его жизни. Есенин больше не ведущий, а ведомый своим "гордым Я", дьяволом, которому он продал душу ради шумной известности и неоспариваемого теперь уже никем первенства. Расщепление его психики ослабило его жизненные силы, усилило отчуждение от себя; и, по сути, поэт уже не знает, где он и "кто" он. Есенин действует как раб "славы", и это рабство запрещает ему делать все то, что "просто" добавило бы ему удобств, счастья, любви, нежности, согласия в жизни. Его желания исполнились. Он стал первым поэтом, его собрание сочинений готово к выходу. Софья Виноградская писала: "Он заранее предвкушал удовольствие щупать первый том своих стихов и говорил:

— Вот в России почти все поэты умирали, не увидав полного издания своих сочинений. А я вот увижу свое собрание. Ведь увижу!"

Неизбежный перелом в его психике произошел. Алкогольная зависимость привела к истощению организма, к усилению невротических попыток саморазрушения. Есенин понимал, что возврата к прошлому нет. Когда его убеждали серьезно взяться за лечение, он с неизменной своей улыбкой ссылался на то, что вот ему нужно подготовить для Госиздата собрание своих сочинений и тогда он возьмётся как следует за лечение. Потом оказалось, что никакой серьезной работы над этим собранием он не проделал. И в отговорки свои он едва ли верил.

Есенин ощущал какие-то изменения в своих желаниях, чувствовал, что должно что-то произойти. За месяц до больницы Сергей решил помириться с Мариенгофом, которого всегда любил. Придя к нему, он дружелюбно сказал: "Толя, когда умру, не пиши обо мне плохо". А потом, видно прощая своему другу все его гадостные дела, сказал Наседкину про Мариенгофа: "Он не плохой..." Все друзья срочно решали, что делать с Сергеем. Берзинь и Воронской старались учредить "опеку" над Есениным. В очередной раз Анна Абрамовна обратилась к Вардину с просьбой о помощи. Тем более,

что намечался суд над Есениным по поводу ссоры с дипкурьером Альфредом Рога.

А.В. Луначарский

Есенин, чтобы избежать суда, бросился с ходатайством к Луначарскому, объясняя свое поведение тем, что в пьяном виде он не понимает, что делает и говорит. Несмотря на свою размолвку с Есениным, Луначарский тут же обратился к судье В. Липкину с просьбой: «Дорогой товарищ, на В(ашем) рассмотрении имеется дело о «хулиганском поведении» в нетрезвом виде известного поэта Есенина. Есенин в этом смысле больной человек. Он пьет, а пьяный перестает быть вменяемым. Конечно, его близкие люди позаботились о том, чтобы происшествия, подобные данному, прекратились. Но мне кажется, что устраивать из-за ругани в пьяном виде, в кот(орой) он очень раскаивается, скандальный процесс крупному советскому писателю не стоит. Я просил бы Вас поэтому дело, если это возможно, прекратить. Нар(одный) ком(иссар) А. Луначарский».

Эти обстоятельства ловко использовала Екатерина, которая предложила как и раньше для избежания суда лечь в больницу. Есенин печально молчал, а потом печально согласился, заметив: " Я сразу покончу со всеми делами". Готовясь лечь в больницу, Есенин зашел к Миклашевской. Сел в кресло и долго смотрел на нее и ее заболевшего сына. Потом встал, подошел к ним. «Вот все, что мне нужно, – сказал Сергей и пошел. В дверях остановился: "Я ложусь в больницу, приходите ко мне".

Однако Миклашевская ни разу не пришла.

26 ноября 1925 года Есенин переехал в психиатрическую клинику на Большой Пироговской, которую возглавлял выдающийся психиатр П.Б. Ганнушкин. Он был создателем концепции малой психиатрии и основоположником внебольничной психиатрической помощи. В его клинике впервые был открыт невропсихиатрический санаторий, где и находился Есенин. Поэту отвели отдельную светлую комнату на втором этаже, перед окном которой стояли в зимнем уборе большие деревья. Кроме того, ему разрешили ходить в своей пижаме, получать из дома обеды. "С первых же дней пребывания в клинике Сергей начал работать, – пишет А. Есенина. – Без работы,

без стихов он не мог жить".

Здесь, 5 декабря, открыли подробную историю его болезни, в которой не упоминается о каком-то серьезном физическом заболевании. Профессор Ганнушкин поставил точный, проверенный на больном диагноз: Есенин страдает ярко выраженной меланхолией. Меланхолия — психическое расстройство, которому сопутствует постоянное тоскливое настроение. Поэтому любые размышления больного протекают как бы окрашенными в черный цвет. Очень часто появляются бредовые идеи, особенно касающиеся самообвинения в поступках, о которых другой человек и не вспоминает. Но самое опасное это то, что меланхоликов типа Есенина мучает навязчивая мысль о самоубийстве. Естественно, все это усиливается во время одиночества. Диагноз Ганнушкина полностью подтвердил те нарушения в психике Есенина, которые постепенно накапливались в нем в течение всей его жизни, и которые явились результатом его невроза, обозначенного К. Хорни, как "поиск славы".

Однако Олег Леонидов, видевший Есенина в это время, был поражен его жизнерадостностью и его желанием работать, строить новую жизнь. На второй день своего пребывания в клинике Сергей оптимистично написал Чагину:

"Дорогой Петр! Пишу тебе из больницы. Опят лег. Зачем — не знаю, но, вероятно, и никто не знает.

Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств....

Все это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, улажу, пошлю всех в кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки".

Факты такого поведения Есенина объясняются словами П.Б. Ганнушкина, который писал о психопатических личностях следующее: "это — индивидуумы, которые, находясь в обычной жизни, резко отличаются от обыкновенных, нормальных людей, они, между прочим, легко вступают в конфликт с правилами общежития, с законом, но оказавшись, добровольно или по приговору суда, в стенах специального заведения для душевнобольных, не менее резко, отличаются и от обычного населения этих учреждений". Не удивительно, что Есенин, находящийся на границе между душевным здоровьем и душевной болезнью, переживал свое пребывание в клинике,

постоянно окруженный настоящими психами. Своим знакомым он говорил о смерти, об окружающих его пациентах, мечтающих о самоубийстве, о девушках, пытающихся повеситься на собственных косах, о мужчинах, крадущих безопасные лезвия, чтобы порезать себе вены.

Есенин не чувствовал себя больным и во время пребывания в клинике написал шесть замечательных лирических стихотворений, вошедших в цикл «Стихи о которой». Это был последний, предсмертный взрыв романтических настроений поэта. Последний всплеск и последняя попытка со стороны "нежного Я" вернуть поэта к настоящей жизни, полной искренних, спонтанно рождающихся чувств, к полной ответственности за свои поступки. Каждое из этих стихотворений: «Клен ты мой опавший...», «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Может, поздно, может, слишком рано...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» – необыкновенный лирический шедевр. Поэт снова возвращается к своей "голубой" мечте, наконец-то жениться на простой и чистой девушке, уехать далеко-далеко и зажить естественно, спокойной жизнью. Есенин как бы обращается ко всем любившим его женщинам, которых он бросил и которые бросили его:

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза - голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Есенинская чувственность преобразуется в искреннюю платоническую страсть. Получая наслаждение в страстных объятиях женщин, дарящих земную, "недорогую" любовь, Есенин в своих лирических откровениях, как и Пушкин в стихотворении "Дориде", представляет в мечтах нежную и чистую девушку:

Что отлюбили мы давно,

Ты не меня, а я - другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

Однако мечты поэта – всего-навсего игра воображения; и реальность жизни вторгается в его поэтический мир, вызывая пессимистические выводы в отношении своей чувственности и своим сексуальным желаниям:

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж -
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

В один из воскресных дней зашли навестить Сергея Мариенгоф и Никритина. Сергей не ждал их прихода, был смущен и немного нервничал. Разговор у них как-то не вязался, и Сергей вдруг стал жаловаться на больничные порядки, говорил, что он хочет работать, а в такой обстановке работать очень трудно. Лечение в клинике было рассчитано на два месяца, но уже через две недели Сергей сам себе наметил, что не пробудет здесь более месяца. Есенин уже в больнице начинает строить новые планы. Резко возникла мысль о переезде в Ленинград, о разрыве отношений с Софьей Толстой, о полной самостоятельности и независимости. "Впереди новая жизнь, – вспоминает о планах Есенина Наседкин. – Об этом он говорит больше всего. В Ленинграде он, возможно, женится, только на простой и чистой девушке. Через Ионова устроит свой двухнедельный журнал, будет редактировать, будет работать. А по весне, пожалуй, следует съездить за границу к М. Горькому".

Разрыв с Толстой стал неизбежен. Еще осенью Сергей стал чаще уходить из дома, возвращался нетрезвым и придирался к жене, а "когда после долгих уговоров сестры, – пишет А. Есенина, – Сергей согласился лечь в клинику лечиться, но запретил

Соне приходиться к нему". Но Софья Андреевна навещала его в больнице в те часы, когда Есенин приходил в себя. Подолгу просиживала в ожидании, когда он скажет хоть одно слово. Но поэт упорно молчал. С заплаканными глазами она возвращалась домой, и без конца спрашивала себя:

– За что он так ненавидит меня?

Есенин и сам не знал за что. Ему уже все надоело. Поэт хотел полностью порвать со своим прошлым. 6 декабря он пишет Евдокимову:

"Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, больше никому денег моих не выдавать. Ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины".

А 7 декабря отправляет в Ленинград телеграмму В. Эрлиху:

"Немедленно найди две-три комнаты, 20 числа переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй. Есенин".

"За 25 дней отдыха, – вспоминает Наседкин, – (срок лечения предполагался двухмесячный) Есенин внешне окреп, пополнел, голос посвежел. Но голубые глаза его по-прежнему бегали нервно, не отставая от скачущих мыслей".

В клинике, несмотря на старания врача А. Я. Аронсона, Есенин не был спокоен. Его достали и здесь. Приходили несколько раз с поручением от Зинаиды Райх, прося средств на содержание его дочери Тани, грозили новым судом. Денег в Госиздате оставалось мало, тяжело обременяли постоянные заботы о сестрах, о родителях. Да и срок лечения казался Есенину слишком длительным. Поэтому он 21 декабря сбежал из клиники. Матвей Ройзман встретил Сергея в каком-то кафе. Поэт ел сосиски с тушеной капустой и запивал пивом.

— Сбежал! — признался он, сдувая пену с кружки пива.— Разве это жизнь? Все время в глазах мельтешат сумасшедшие. Того и гляди сам рехнешься.

На следующий день стали искать Есенина в больнице. А. Я. Аронсон, лечащий врач поэта, был взволнован и озабочен. За эти дни он обошел все места, где, по мнению родственников, друзей и знакомых Есенина, мог он находиться, старался

предупредить всех. По его словам, Есенин ушел из санатория клиники самовольно, а это может привести к большой беде.

В тот же день Сергей пришел к Евдокимову в издательство совершенно пьяный, злой, крикливый, и опять заговорил о том, что деньги Госиздат должен выдавать только ему. Под диктовку Евдокимова написал заявление: "Прошу гонорар за собрание моих стихотворений, начиная с декабря 25 г., выдавать мне лично. Настоящим все доверенности, выданные мною разным лицам до 1-го (первого) декабря, считать недействительными".

А вечером Сергея видели пьяным у входа в Клуб писателей. "В клубе, внизу, – пишет Борисов-Шерн, – я нашел Есенина. Он сидел за столом, уронив на руки взлохмаченную голову. Когда я подошел, он поднял на меня голову, и более жуткого, истерзанного, измученного человеческого лица я не видел... Глаза были совершенно красные, веки опухшие, щеки совершенно втянулись, кожа была грязно-желтого цвета. Безумным блуждающим взором посмотрел он на меня и, вероятно что-то вспоминая, узнал меня... Рот его был полуоткрыт, словно в гримасе, и на правую сторону лица набежали морщинки". Есенин называл всех сволочами, говорил, что у него нет друзей, нет дома, что сумасшедший дом, куда его хотели запрятать, это мой дом. А потом тихо, грустно, после небольшой паузы добавил:

— Как мне тяжело... Как мне тяжело...

Днем 22 декабря Есенин устроил скандал в Доме Герцена. Это последнее посещение Есениным московского писательского дома присутствующие запомнили надолго. Поэт как с цепи сорвался, бросая в лицо пролетарским писателям и поэтам: «продажная душа», «сволочь», «бездарь», «мерзавец». "Хмелея, Есенин становился задирой, – писал Наседкин. – Оскорбить, унижить своего собеседника тогда ему ничего не стоило. Но оскорблял он людей не всегда так, без разбору или по пьяному капризу. Чаще нападал на тех, на кого имел какой-нибудь «зуб». Иногда вспоминал обиды, нанесенные ему два-три года тому назад".

Эгоцентричность Есенина, его самоидеализация, ощущение себя пророком, величайшим поэтом, чуть ли не богом проявлялась в минуты алкогольного опьянения. Раздражение, накопленное за все прошедшие месяцы, постоянные метания, разрыв с Бениславской, потом с Толстой, вызвали у поэта ощущение того, что он стал жертвой несправедливости и полной неблагодарности со стороны других. Подобные скандалы происходили и раньше, но теперь все это звучало с надрывом, с какой-то последней

отчаянной злостью, выражение невротических претензий приобрело болезненную и мстительную форму.

«Хулиган!», «Вывести его!» — раздавались крики в ответ на оскорбления. Есенина с трудом удалось вытащить из клуба. А около 11 вечера Есенин снова появился в Доме Герцена. Сидел за столом, пил, расплескивая вино, и защищался:

— Меня выводить из клуба? Меня называть хулиганом? Да ведь все они — мразь и подметки моей, ногтя моего не стоят, а тоже мнят о себе... Сволочи!.. Я писатель. Я большой поэт, а они кто? Что они написали? Что своего создали? Строчками моими живут! Кровью моей живут и меня же осуждают.

Сергей Есенин. 1925 год

«Это не были пьяные жалобы, — писал уже после смерти поэта сидевший тогда с ним за одним столом Евгений Сокол. — Чувствовалось в каждом слове давно наболевшее, давно рвавшееся быть высказанным, подолгу сдерживаемое в себе самом и наконец прорывавшееся скандалом. И прав был Есенин. Завидовали ему многие, ругали многие, смаковали каждый его скандал, каждый его срыв, каждое его несчастье. Наружно вежливы, даже ласковы были с ним. За спиной клеветали. Есенин умел это чувствовать внутренним каким-то чутьем,

умел прекрасно отличать друзей от «друзей», но бывал с ними любезен и вежлив, пока не срывался, пока не задевало его что-нибудь очень уж сильно. Тогда он учинял скандал. Тогда он крепко ругался, высказывал правду в глаза, — и долго после не мог успокоиться. Так было и на этот раз».

Под конец, уже поздним вечером, Есенин читал последние стихи о смерти, тоске и боли, и, конечно, «Черного человека». «Это было подлинное вдохновение», — вспоминал Евгений Сокол. По пути домой Сергей рассуждал о будущем, хотел снова поехать в длительное путешествие – вдоль Волги до Каспия, затем в Баку, в Крым, потом в Питер.

После того, как Сокол оставил Сергея в 6 часов утра, поэт с трудом уснул, а в 9 часов снова появился в Госиздате. Пришел за деньгами за собрание. Пальто нараспашку, бобровая шапка высоко сдвинута на лоб, на шее густой черного шелка

шарф с красными маками на концах, веселые глаза, улыбка, качающаяся грациозная походка... Полупьяный обратился к Евдокимову:

— Евдокимыч, я вышел из клиники. Еду в Ленинград. Совсем, совсем еду туда. Надоело мне тут. Мешают мне. Я развелся с Соней... с Софьей Андреевной. Поздно, поздно, Евдокимыч! Надо было раньше... К черту! И лечиться я не хочу! Они меня там лечат, а мне наплевать, наплевать! Скучно! Скучно мне, Евдокимыч!

Сидел долго, но так и не дождался. Гонорар был выписан, но денег в кассе не было. Есенин сходил к Воронскому, потом вернулся к Евдокимову.

— Ты мне корректуры вышли в Ленинград, — погрузнев, сказал Есенин...Я тебе напишу. Как устроюсь, так и напишу...В Ленинград я совсем, навсегда...

Есенин сумрачно задумался — и вдруг, оживляясь и злобясь на что-то, закричал, мне казалось, с похвальбой и презрением:

— Обо мне напишут, напи-и-шут! Много напи-ишут! А мою автобиографию к черту! Я не хочу! Ложь, ложь там все! Любил, целовал, пьянствовал... не то... не то... не то!.. Скучно мне, Евдокимыч, скучно!

"Настроение Есенина было чрезвычайно неустойчивое, — писал Евдокимов, — от мрачности он быстро переходил в самое благодушное состояние".

— Я поеду совсем, совсем, навсегда в Ленинград, — твердил он дальше, — буду писать. Я еще напишу, напишу! Есть дураки... говорят... кончился Есенин! А я напишу... напишу-у! Лечить меня, кормить... и так далее! К черту!

Мысли у Есенина путались, он находился в состоянии крайнего возбуждения. Увидел своего знакомого, писателя Тарасова-Родионова, пригласил его в ближайшую пивную. А ожидать денег отправил властным тоном своего двоюродного брата Илью. Начался довольно откровенный разговор, на протяжении которого Есенин приоткрывал свои истинные чувства, и подлинные отношения к окружающим. Этот разговор очень важен для правильного понимания невротических претензий поэта. Особенно в отношении любивших его женщин.

— Нет, друг, это неверно! — схватился Есенин с болезненной и горячей порывистостью.— Нет, Дункан я любил. Только двух женщин я любил, и вторую была Дункан. И сейчас еще искренне люблю ее. Вот этот шарф,— и он любовно растянул свой красивый шелковый шарфик,— ведь это ее подарок. А как она меня любила! И любит! Ведь стоит мне только поманить ее, и она прилетит ко мне сюда, где бы она ни была, и сделает для меня все, что бы я ни захотел. А Софью Андреевну... Нет, ее я не

любил. И сейчас с ней окончательно разошелся. Она жалкая и убогая женщина. Она набитая дура. Она хотела выдвинуться через меня. Подумаешь, внучка! Да и Толстого, кацо, ты знаешь, я никогда не любил и не люблю. А происхождение кружило ее тупую голову. Как же остаться вне литературы? И она охотилась за литераторами. Как-то затащил меня к себе Пильняк, она с ним тогда жила. Тут же я с ней и сошелся. А потом... женился. Опутали они меня. Но она несчастная женщина, глупая и жадная. Ведь у нее ничего не было. Каждую тряпку пришлось ей заводить. Я думал было... но я ошибся и теперь разошелся с ней окончательно. Но я себя не продавал... А Дункан я любил, горячо любил...

— У меня нет друзей. Ты мне должен верить, когда я говорю это тебе, кацо. Этих друзей я ненавижу. Особенно я ненавижу Анну Абрамовну. Набитая дура, подлица и попросту п...а. Конечно, у меня с ней ничего не было и быть ничего не могло. Но, если бы ты знал, сколько зла она мне сделала, потому что она — дура... Она только кружила меня и путала. А Вардин принес пользу, но он дурак, кацо, набитый дурак, скучный, и мне дольше нечего было с ним делать. Ведь ты понимаешь, он бегал, как обезьянка, за юбкой этой Абрамовны, пока она... — но только дай мне слово, что никому об этом не скажешь. Даешь слово? Дурак В(ардин) попал. Она заразила его тр(иппером), которым ее заразил Элиава ...

— Скучно, кацо,— сказал он уныло, и его глаза лениво потускнели, а рот безвольно застыл...

— Нет! — рванулся он и мотнул своей прозрачной шеей, как индюшонок.— Нет! — прохрипел он с какою-то вымученной злобой.— Не-е-ет. Я работаю и буду работать, и у меня еще хватит сил показать себя. Я много пишу и еще много надо писать. Да, надо много писать, и я умею писать. Я не выдохся. Я еще постою. И это зря орет всякая бездарная шваль, что Есенин — с кулацкими настроениями, что Есенин чуть ли не эмигрант...

Должно быть, меня считают за пустого дурака, который не осознает своего таланта и не понимает, что только благодаря Советской власти он расцвел . Ну, скажи на милость, что бы представлял я из себя, если бы не случилось Октябрьской революции? Поэта блядей и сутенеров, бардачного подпевалу? Не усмехайся, кацо, я знаю, что ты думаешь. Но чем же я виноват, что я живу в такой перепалке? Эх, если бы мне немножко попозже родиться б....

Я устал... я сильно устал,— сознался он каким-то упавшим и задушевым

голосом.— Я сильно устал. Кругом — одна сволочь. Ты понимаешь, одна сволочь. Вот ты знаешь, друг, ведь у меня никого нет близких. Ты скажешь: сестра Катька. К черту! Ты слышишь: к черту! Плевать я хочу на эту дрянь. Сквалыга, каких свет не рожал. Вышла, понимаешь, сейчас замуж, за какого-то там поэта Наседкина и приходит ко мне — так и так-де, мы-ста, да ты-ста. А я говорю: к черту! Знать тебя не знаю и никаких Наседкиных знать не хочу. Пусть сам пробивает себе дорогу, если поэт, а если дребедень, я ему своим горбом проколачивать дорого не буду. Я прогнал ее с глаз долой и больше и знать о ней не хочу. Такая же она, как и все остальные, такая же, как и мать с отцом. Ты думаешь, они меня любят? Они меня понимают? Ценят мои стихи? О, да, все они ценят и жадно ценят, почему мне платят за строчку. Я для них неожиданная радость: дойная коровенка, которая и сама себя кормит и ухода не требует и которую можно доить всюю. О, если бы ты знал, какая это жадная и тупая пакость — крестьяне. Вот видишь: поддержки в семье я не встречу. Друзья — свора завистников или куча вредного дурачья. Я не могу здесь работать. Меня все раз-др-раж-жает...— сказал он, весь искривившись мучительной гримасой, как будто проглотив что-то кислое и отвратительное.— Нет, кацо, я не могу здесь работать. Вот получу сейчас деньги, тысячу рублей, и уеду в Ленинград навсегда. И там вот начну работать. Ты понимаешь, я хочу работать. Я буду работать,— почти прокричал он с упрямым раздражением...А пить я не брошу. Почему? — и он опять лукаво улыбнулся с наивной хитрецей.— Скучно, кацо. *Ты понимаешь, мне скучно, и я устал...*"

В 4 часа Есенин наконец-то получил в Госиздате чек на 750 рублей. Через два часа он появляется у Толстой пьяный и недоброжелательный. "Говорит несурзости Шуре и остальным, — вспоминает Наседкин. — Почти невменяем. Вещи готовы. Все есенинское до мелочей уложено в чемоданы. Перед выходом (ни с кем не прощаясь) Есенин дает мне госиздатовский чек на 750 рублей — он не успел сегодня заглянуть в банк и едет почти без денег". Перед отъездом Сергей пошел попрощаться со своим прошлым. Зашел к первой жене, Анне Изрядновой. Сказал, что пришел проститься. На ее вопрос: «Что? Почему?» — говорит: «Смываюсь, уезжаю, чувствую себя плохо, наверное, умру». Просил не баловать, беречь сына. Пришел и к Зинаиде Райх, попрощаться с детьми. Поначалу его не узнали, даже не хотели впускать. Но и детям тяжело было видеть странного, очень изменившегося отца.

Поздно вечером 23 декабря Есенин поехал на вокзал со своим двоюродным братом Ильей. Покидая Москву, Есенин полностью порывал со своим прошлым. Он

попрощался с детьми, забрал с собой почти все рукописи. Хотя он уверял своих друзей, что собирается в Ленинграде работать, его состояние было на пределе. Есенин как бы позволял себе гибнуть. Подсознательное презрение к себе за якобы несбывшиеся мечты о славе, и чувство безнадежности заглушило все его жизненные силы. "Нежное Я" еще ощущалось Есениным и проявлялось в ярко выраженном желании спасения. Он мечтал о новой жизни, клял все старое, уничтожал прошлое в своей памяти. Отчуждение от себя приняло в Есенине необратимые формы.

Чем дальше происходит это отчуждение от себя, тем беспомощней он перед махинациями своей системы гордости. У него все меньше сопротивления ей. Желание взять на себя ответственность за будущее, неожиданно возникшее в Сергее, не могло иметь продолжения. Любая мысль о принятии на себя ответственности за дальнейшую жизнь вызывала у Сергея последующие вспышки ужаса, гнева, ухода от осознания своего "нежного Я". Мысль о том, чтобы стать самим собой, становится отвратительной и ужасающей. И Есенин постоянно уходит от осознания себя в вымышленный мир детства, романтической любви, мир тревоги и смерти. Он проявляет явную заинтересованность в том, чтобы не ощущать себя, не воспринимать "нежное Я", притупляет свою чувствительность к тому, что ложно и что истинно. Саморазрушительные тенденции настолько разрослись в Есенине, что ждать закономерного конца оставалось уже недолго. Вадим Шершеневич пронизательно писал, что окружающие не понимали его, не осознавали, что трагедия уже подошла к своему финалу...

5. "В этой жизни умирать не ново..."

Все четыре предсмертных есенинских дня в Ленинграде внешне проходили в предпраздничной суете и в постоянных встречах с гостями. Однако при внимательном анализе воспоминаний тех людей, которые видели и говорили с поэтом, показывают постепенно возраставшую психическую напряженность Сергея. Началось все прекрасно. Есенин приехал в Ленинград 24 декабря, в четверг, и сначала зашел к Вольфу Эрлиху. Того не было дома. Есенин оставил свои чемоданы и записку: «Поехал в ресторан Михайлова, что ли, или Федорова? Жду тебя там. Сергей», а сам направился в гостиницу "Англетер", чтобы повидаться со своим партийным другом Георгием (Жоржем) Устиновым, который и снял для Есенина пресловутый номер № 5. В

гостинице жили и останавливались крупные большевистские фигуры, поэтому просто так там нельзя было поселиться. Она охранялась сотрудниками ГПУ.

По словам Елизаветы Устиновой, "утром в десять — одиннадцать часов к нам почти вбежал в шапке и шарфе сияющий Есенин". Сказал, что остановился в пятом номере, пригласил к себе посидеть, выпить шампанского. Есенин сказал, что "он из Москвы уехал навсегда, будет жить в Ленинграде и начнет здесь новую жизнь — пить вино совершенно перестанет. Со своими родственниками он окончательно расстался, к жене не вернется — словом, говорил о полном обновлении своего быта. У него был большой подъем". После пьяных дебошей в Москве перед отъездом у Есенина наступило просветление, которое бывает у невротиков, когда безнадежность и интенсивность презрения к себе временно ослабевают. Тогда жалость к себе превращается в симпатию, появляются новые идеи, желание заново начать жить.

Есенин встретился вечером с Георгием Устиновым, Г. Колобовым и Вольфом Эрлихом. Первый день прошел в воспоминаниях прошлого и в разговорах о ближайшем будущем. Устиновы попросили Эрлиха поискать общую квартиру: для них и Есенина. Сергей уверял всех, что не будет пить, что он "в Ленинград приехал работать и начать новую жизнь". Однако весь вечер читал "Черного человека", как будто хотел что-то внушить присутствующим, что-то подчеркнуть. Радостное желание новой жизни и чтение самообвиняющей и самодеструктивной поэмы.

Часов до одиннадцати Есенин говорил с Вольфом Эрлихом о том, что "по возрасту ему пора редактировать журнал, как Некрасову, о том, что он не понимает и не хочет понимать Анатоля Франса, и о том, что он не любит писем Пушкина:

— Понимаешь? Это литература! Это можно читать так же, как читаешь стихи. Порок Пушкина в том (снова проглядывает огромное самомнение – *А.Л.*), что он писал письма с черновиками". Потом друзья пошли спать.

Есенин проснулся в 6 утра и решил навестить Клюева. Отправились к нему, подняли с постели. Есенин по-своему все еще любил Клюева и говорил: "Это мой учитель. Ты подумай: учитель! Слово-то какое!" Вернулись в гостиницу втроем, потом к ним присоединился художник Мансуров. Есенин читал последние стихи. Когда закончил, то потребовал, чтобы Клюев сказал, нравятся ли они ему. "Умный Клюев долго колебался, – вспоминает Эрлих, – и наконец съязвил:

— Я думаю, Сереженька, что если бы эти стихи собрать в одну книжечку, они стали бы настольным чтением для всех девушек и нежных юношей, живущих в

России". Есенин после этих слов помрачнел и снова как бы поссорился с Клюевым, который ушел в четвертом часу. Обещал прийти вечером, но не пришел.

Пятница и суббота прошли как один день. Разговаривали, пили чай, ели рождественского гуся, опять разговаривали. Разговоры были одни и те же: квартира, журнал, смерть. Время от времени Есенин умудрялся понемногу доставать пиво, но редко и скудно: праздники, все закрыто. Однако Елизавету Устинову поразил один поступок Есенина: "он вдруг запретил портье пускать кого бы то ни было к нему, а нам объяснил, что так ему надо для того, чтобы из Москвы не могли за ним следить". На вопрос, почему он пьет, Есенин ответил

— **Ах**, тетя, если бы ты знала, как я прожил эти годы! Мне теперь так скучно!...

Никого и ничего мне не надо — не хочу! Шампанское, вот веселит, бодрит. Всех тогда люблю и... себя! Жизнь штука дешевая, но необходимая. Я ведь «божья дудка».

И объяснил сам, что значит «божья дудка».

— Это когда человек тратит из своей сокровищницы и не пополняет. Пополнять ему нечем и неинтересно. И я такой же. Потом горько усмехнулся. К Есенину постепенно возвращается настроение, которое сопровождало его после выхода из клиники. "Скучно! Скучно! – повторял он всем и в трезвом и в пьяном виде.

И снова разговор о Клюеве, и снова чтение "Черного человека". Какое-то однообразное времяпрепровождение. Есенин казался спокойным, но отдельные слова его и мысли внушали беспокойство о его душевном состоянии. "Несомненно, – писал Воронской, – он болел манией преследования. Он боялся одиночества. И еще: передают — и это проверено, — что в гостинице «Англетер», перед своей смертью, он боялся оставаться один в номере. По вечерам и ночью, прежде чем зайти в номер, он подолгу оставался и одиноко сидел в вестибюле. Но лучше об этом не думать, ибо кто знает, что скрывалось у Есенина за этой манией преследования и что это была за болезнь".

В субботу пожаловался Эрлиху: " А знаешь, ведь я сухоруким буду!"

Он вытягивает левую руку и старается пошевелить пальцами. Именно ту руку, которую повредил, или которую сам порезал.

– Видал? Еле-еле ходят. Я уж у доктора был. Говорит — лет пять-шесть прослужит рука, может, больше, но рано или поздно высохнет. Сухожилия, говорит, перерезаны, потому и гроб.

Мысль о смерти снова начинает волновать поэта. Появляется жалость к себе, испуг, что, по словам Карен Хорни, является выражением "бессознательной решимости

деморализовать себя". Рано утром 27 декабря Есенин, смеясь и ругаясь, рассказывал всем, что его хотели взорвать. Оказывается: колонку растопили, но воды в ней не было — был закрыт водопровод. Потом он показал Е. Устиновой свою левую руку с тремя неглубокими порезами на кисти. Стал жаловаться, что в этой «паршивой» гостинице даже чернил нет, и ему пришлось; писать сегодня утром кровью. Есенин не первый раз писал стихи таким образом. Стихотворение "Поэтам Грузии" также было написано кровью в порыве вдохновения и за неимением карандаша или чернил.

Когда пришел Вольф Эрлих, Есенин нагнулся столу, вырвал из блокнота написанное утром кровью стихотворение и сунул Эрлиху во внутренний карман пиджака.

Эрлих потянулся рукой за листком, но Есенин его остановил:

— Потом прочтешь, не надо!

Это было знаменитое предсмертное стихотворение поэта:

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,

Не грусти и не печаль бровей, -

В этой жизни умирать не ново,

Но и жить, конечно, не новей.

Действительно прощальное стихотворение. Спокойное размышление о ненужности и никчемности жизни. Почему Есенин не захотел, чтобы его прочли? Обычно он радостно читал свои написанные стихи в первую же минуту. Значит, не хотел никого тревожить, подключать к своим переживаниям.

Изменение в настроении поэта, который таким радостным приехал в гостиницу "Англетер", происходило на глазах присутствующих. Георгий Устинов первый заметил, что с поэтом что-то твориться. Он писал, что "весь этот самый последний день Есенина был для меня мучительно тяжел. Наедине с ним было нестерпимо оставаться, но и как-то нельзя были оставить одного, чтобы не нанести обиды. Я пришел к нему днем.

Есенин спал при спущенных шторах. Увидев меня, он поднялся с кушетки, пересел ко мне на колени, как мальчик, и долго сидел так, обняв меня одной рукой за шею. Он жаловался на неудачно складывавшуюся жизнь. Он был совершенно трезв.

Потом в комнату пришли. Есенин пересел на стул, читал стихи, и опять — «Черного человека». Тяжесть не проходила, а как-то усиливалась, усиливалась до того, что уже было трудно ее выносить... Под каким-то предлогом я ушел к себе».

Примерно с четырнадцати часов организовали праздничный стол. Ели гуся, пили чай. В номере находились: супруги Устиновы, Эрлих, Ушаков, знакомый Устиновых, писатель Измайлов, художник Мансуров. Ненадолго заходил Иван Приблудный. Спиртных напитков не было. Дворник где-то достал пять или шесть бутылок пива. Сергей немного выпил, но потом полностью протрезвел. Долго говорили о его жизни в Москве. Он вспоминал Зинаиду Райх, говорил, что один из детей Райх не его, негодовал по поводу ее измены.

К восемнадцати часам все разошлись. Остались втроем. Есенин, Ушаков и Эрлих. Устиновы ушли к себе в номер. "В этот день все очень устали, — писала Елизавета Алексеевна, — и ушли от него раньше, чем всегда. Звали его к себе, он хотел зайти — и не пришел". Часам к восьми Эрлих также собрался уходить. Однако с Невского проспекта он вернулся к Есенину в номер, так как забыл портфель.

"Есенин сидел у стола спокойный, — писал Эрлих, — без пиджака, накинув шубу, и просматривал старые стихи. На столе была развернута папка. Простились вторично.

На другой день портье, давая показания, сообщил, что около десяти Есенин спускался к нему с просьбой: никого в номер не пускать". Удивительное спокойствие. Как перед бурей.

"28-го я пошла звать Есенина завтракать, — вспоминала Устинова, — долго стучала, подошел Эрлих — и мы вместе стучались". Затем она попросила коменданта гостиницы В.М. Назарова, сотрудника ГПУ, открыть комнату отмычкой. Комендант открыл и ушел. Устинова вошла в комнату: "кровать была не тронута, я к кушетке — пусто, к дивану — никого, поднимаю глаза и вижу его в петле у окна. Я быстро вышла".

Прибывший на место надзиратель 2-го отделения милиции Николай Горбов составил АКТ о смерти поэта. "Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватила за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около 1,5 метров,

около места где был обнаружен повесившейся лежала опрокинутая тумба, и канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре было обнаружено на правой руке выше локтя с ладонной стороны порез на левой руке, на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, черные носки и черные лакированные туфли".

Одним из понятых по факту "самоубийства" оказался поэт Вс. Рождественский. О смерти Есенина он услышал в Союзе поэтов. Рождественский и Медведев прибежали после звонка одними из первых.

Сергей Есенин. 28 декабря 1925 года в гостинице "Англетер".

«Прямо против порога, несколько наискосок, – писал Вс. Рождественский, – лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо было страшным — в нем ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая легкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольски пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок... Обстановка номера поражала холодной, казенной неуютностью. Ни цветов на окне, ни единой книги. Чемодан Есенина, единственная его личная вещь, был раскрыт на одном из соседних стульев. Из него клубком глянцевитых переливающихся змей вылезали модные заграничные галстуки. Я никогда не видел их в таком количестве. В белесоватом свете зимнего дня их ядовитая многоцветность резала глаза неуместной яркостью и пестротой".

В газетах потом писали, что "в комнате стоял полнейший разгром. Вещи были вынуты из чемодана, на полу были разбросаны окурки и клочки разорванных рукописей".

В «Памятке о Сергее Есенине», напечатанной сразу же после смерти поэта, говорилось – «в углу на трубе парового отопления, на веревке от чемодана висел

Сергей Есенин. На левой руке было несколько царапин, а на правой, выше локтя — глубокий порез, сделанный ножом от бритвы. Очевидно, Есенин пытался перерезать сухожилие... установлено, что Есенин умер от удушья, причем потеря крови вследствие надрезов на венах могла, в свою очередь, способствовать обморочному состоянию. Кровавые натеки на ногах свидетельствуют о том, что Есенин долго висел в петле. Вскрытием также установлено, что никаких аномальностей в мозгу Есенина не было. По заключению экспертов, труп Есенина провисел около 6—7 часов».

В АКТе вскрытия указывалось, кроме всех прочих описаний, что у Есенина "нижние конечности темнофиолетового цвета, на голених в коже заметны темнокрасные точечные кровоизлияния. На середине лба, над переносьем, — вдавленная борозда длиной около 4 сант. и шириною 1,5 сант., под левым глазом — небольшая поверхностная ссадина; на шее над гортанью — красная борозда (странгуляционная — *А.Л.*), идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда имеет немного вверх к затылочной области, где и теряется; ширина борозды с гусяное перо; в нижней трети правого плеча имеется рана, идущая в горизонтальном направлении и 3 раны в вертикальном направлении, эти раны около 3-х сант. каждая с ровными краями.." По официальному заключению судмедэксперта Гиляревского на основании данных вскрытия "смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение"... и далее «темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на коже кровоподтеки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время».

Итак, что же произошло в номере №5? Самоубийство или убийство поэта?

Версия о самоубийстве была принята сразу. Это слово было произнесено в первый же момент после обнаружения тела Есенина. И дальше все: и жильцы "Англетера", и милиционеры, проводившие расследование, и журналисты, и друзья поэта, и даже судмедэксперт А. Гиляревский, составивший акт о вскрытии, говорили только о самоубийстве. Трагическая смерть поэта удивила многих, и версия о "самоубийстве" Есенина, подхваченная газетчиками, вызвала различные мнения среди тех, кто хорошо его знал.

"О самоубийстве со мной Есенин никогда не вел разговора, — пишет Воронский. — Я думал, что жить Есенину оставалось мало, но никогда не предполагал, что он может наложить на себя руки: он очень любил жизнь". Того же мнения был и Матвей

Ройзман: "Однако я хочу предостеречь читателя от тех мемуаристов, которые пишут, что Есенин неоднократно покушался на самоубийство. Если бы так было, про это безусловно знали бы сестры Есенина Катя и Шура, Галя Бениславская, Вася Наседкин. Это стало бы известно мне и другим. Нет! Покушение на самоубийство в «Англетере», подстегнутое одиночеством, было единственным и трагическим".

С другой стороны Маяковский сказал, что "Конец Есенина огорчил.. Но сразу же этот конец показался естественным и логичным". "Есенин пугал окружающих сосредоточенной мрачностью, – писал Вс. Рождественский, – подавленным состоянием, склонностью к бредовым самобичующим разговорам. Его черная меланхолия уже граничила с психическим расстройством... Есенин неуклонно шел к своему роковому концу. Ничто не могло его спасти".

Мне не хочется приводить бесконечные и лживые слова многих критиков и мемуаристов Есенина, которые считали, что поэт полез в петлю из-за своего пьянства. Они приписывают Есенину всяческие психические заболевания, вплоть до мании преследования или галлюцинации, чего при меланхолии, или, как ее теперь называют, депрессии, не бывает.

Галя Бениславская, как никто знавшая внутренний мир Сергея, сказала о его смерти просто: "Сел, подытожил, что ждет в будущем и ради чего можно принять это? Ради стихов, ради того, чтобы дать больше, чем дано... Наверстать и исправить в сложившихся условиях казалось невозможным. Не пить, при той жуткой опустошенности, не мог. Не было ни одной зацепки. И в этот момент инстинкт жизни уступил место воле к избавлению и покою".

Но было ли это желание? Действительно ли Есенин сознательно наложить на себя руки. Шершеневич старался доказать, что самоубийство поэта не было результатом хорошо обдуманного плана. Скорее всего, Есенин погиб случайно в результате возникшего суицидального импульса. Эти импульсы появлялись у поэта и раньше как результат подсознательного презрения к себе, которые проявлялись в самообвинениях поэта, в его провоцировании случайных телесных повреждений. Находясь один в номере, Есенин еще в большей степени поддался своему "черному человеку". Начался приступ меланхолии, которой поэт болел, и которая заключалась в постоянных самообвинениях. Видимо, работая за столом, Есенин попытался снова и снова понять свою прошлую жизнь и оценить будущую.

А в жизни своей он видит лишь полное одиночество: Катя вышла замуж и была

потеряна для него, Шура — совсем ребенок, родители почти ему чужие, ни жены, ни друзей, ни детей. Сейчас он в гостинице, а потом. Нужна квартира, ее нет, некуда голову прислонить. Разговоры об общем жилье с Устиновыми — просто фантазия. Для этого нужны деньги, а денег нет, и не будет очень долго. И при этом со всех сторон долги и со всех сторон требуют и требуются деньги: старикам, сестрам, Толстой, Райх. А деньги в Госиздате приближаются к концу; за 7 месяцев были уже получены, оставалось еще 4—5 месяцев. А дальше? Опять мытарства по журналам из-за построчного гонорара? Ведь в Госиздат продано все. Никаких книг больше он в течение 2-х лет издавать не имеет права. Нужно жить на гонорары за новые произведения, но их нет. Писать стихи становится все трудней.

"Есенин, — отмечал Эрлих, — не писавший в свое время два года, боится трехдневного молчания. Есенин, обладавший почти даром импровизатора, тратит несколько часов на написание шестнадцати строк, из которых треть можно найти в старых стихах. Есенин, помнивший наизусть все написанное им за десять лет работы, читает последние стихи только по рукописи. Он не любит этих стихов. Он смотрит на всех глазами, полными безысходного горя, ибо нет человека, который бы лучше его понимал, где кончается поэзия и где начинаются только — стихи". При встрече с Устиновыми Сергей говорил, что стихов больше не пишет, а работает много над большой прозаической вещью — повестью или романом. Но когда Елизавета Андреевна попросила его показать эти произведения, Есенин сказал, что несколько дней, когда закончит первую часть. На самом деле Есенин ничего не писал.

Кто же он сейчас, Сергей Есенин? Великий "пророк" нового отечества, первый поэт России, достигший прижизненной славы и собрания свои сочинений. Но что дальше. Дальше пустота. Значит, он ничтожен и слаб, и никогда более не сможет покорять чтением своих стихов, потому что их больше не будет. Он сказал уже все, что мог. Теперь ему нечего делать в этой жизни, презренному, исписавшемуся поэту. Слава, за которой он гнался всю жизнь, оказалась мифом. Она отняла у него все. Он постоянно отдавал, но не пополнял свою "божью дудку". "После стихов, — писала С. Виноградская, — он искал забвенья от скуки, тоски. Говорил, что завидует тем, кто служит, работает, учится. Он же не знает, куда девать и себя и время свое, когда не пишет стихов.

Стихи заполняли его всего, в стихах была вся жизнь, вне стихов не оставалось ничего".

Голубая да веселая страна!

Пусть вся жизнь моя за песню продана.

А теперь даже стихов не будет! Не будет ничего!

Первым порывом Сергея было уничтожить рукописи, разорвать их, разбросать по комнате, как бы развеять по ветру. Он открыл свои чемоданы, в которых пестрели яркие галстуки, его игрушки всей жизни, которыми он также привлекал публику, как и стихами. К черту их! Взволнованный Есенин разбрасывает по комнате все, что попадает под руку. Затем хватается за нож от бритвы, чтобы порезать вены на левой руке. Попытка не удается, только боль. На глаза попадает ремни от открытых чемоданов. По словам современников, Есенин поставил в левом переднем углу стол, на него столик, стул, дотянулся до изгиба у потолка тонкой трубы парового отопления, зацепил за нее ремни от чемоданов и в решительную минуту оттолкнул из-под ног непрочную опору. Может с первой попытки и не получилось ничего. Стул качается, Сергей хватается за трубу, падает, ударяется головой. На лбу вмятина, под глазом синяк. Есенин повторяет попытку. Он не рассуждает хладнокровно, как настоящий самоубийца. Находясь в состоянии сильного суицидального импульса, Есенин хотел лишь нанести себе вред, как презренному существу, избить самого себя. Унизить. Он совершает непродуманные импульсивные действия.

Георгий Устинов писал, что Есенин не сделал петлю, а обмотал веревку вокруг шеи, как шарф. Он мог выпрыгнуть в любой момент. Почему же поэт схватился за трубу? Чтобы не упасть или чтобы избежать смерти? Может в последний момент суицидальный импульс прошел, и Есенин решил кончить свою "игру". Но неустойчивая конструкция под ногами рухнула. Есенин повис. В своих воспоминаниях Г. Устинов писал: «Говорят, что вскрытием установлена его мгновенная смерть от разрыва позвонков». Сам Устинов пришел в номер сразу же и был в курсе всех разговоров и дел, связанных с гибелью Есенина, и можно утверждать, что эти слова он слышал от судмедэксперта. В монографии Е. Наумова также сказано: «Есенин умер не от удушья, а от разрыва шейных позвонков». Хотя в Акте Гиляревского говорится о смерти от удушья. Скорее всего, произошел разрыв позвонков, который не был обнаружен при вскрытии. Потому и лицо Есенина было на багрово-фиолетовым, как у умерших от удушья, а бледным. "На лбу Есенина, вспоминает Николай Браун, находившийся в номере поэта, – у переносицы, были два вдавленных, выжженных следа от тонкой

горячей трубы отопления, к которой он, видимо, прикоснулся, когда все было кончено". Рука, застывшая у горла, говорила о том, что поэт в последнее мгновение пытался освободиться от душившей его петли, но это уже было невозможно.

Можно сколько угодно говорить о фактах и документах, но в данном случае подробности не играют существенной роли. Главное в этой трагедии то, что борьба между есенинскими "нежным Я" и "гордым Я", между двумя противоречивыми желаниями и стремлениями привела к закономерному исходу. Два человека жили в поэте, и это оказалось непосильной ношей для его психики. Не сегодня, так завтра поэт все равно под воздействием суицидальных импульсов закончил бы свой "путь к славе".

"Образ Есенина двоится, — сделал свой вывод Александр Воронский. — Два человека вели в нем тяжкую, глухую и постоянную тяжбу: юноша с кроткими глазами, более синими, чем небо, в тихом осеннем листопаде, в грустной и нежной дреме, внимательный и сосредоточенный, простой и искренний, чуткий и даже застенчивый, скромный и понимающий, влюбленный в плоть жизни и в наше однообразное полевое раздолье, — и городской гуляка, забияка, скандалист и озорник, безрассудный мот и больной человек, менявший позы, нарочито подчеркивающий и заострявший свои противоречия, обнажавший их напоказ, игравший ими для "авантюристических целей в сюжете". В борьбе этих двух душ в себе пал Есенин. В его поэзии преодолевал все-таки первый человек, и "Черный человек" чаще всего уступал ему свое место. Может быть, поэзия была ареной, где первый человек наиболее решительно и легко одерживал победы над вторым. Поэтому так и отдавался ей Есенин".

Однако "Черный человек" все-таки сделал свое черное дело. Поэзия почти потеряла смысл для Есенина. Жизнь поэтому стала невыносимой для него. "Гордое Я" обрушило на психику Сергея всю силу своих деструктивных решений. "Рассматривая ненависть к себе и ее разрушительную силу, — пишет К. Хорни, — мы не могли не видеть в этом великой, возможно, величайшей трагедии человеческого ума. Человек в стремлении к Бесконечному и Абсолютному начинает разрушать себя. Когда он заключает договор с дьяволом, который сулит ему славу, он должен идти в ад — в ад внутри себя".

6. Самоубийство или убийство?

В новое время, когда постепенно стали открываться архивы КГБ, появилось

множество работ, статей и книг, в которых первоначальная версия о самоубийстве поэта была подвергнута резкому сомнению. Еще в 1990 году в газете "Вечерний Ленинград" были напечатаны в передаче некоего журналиста воспоминания художника Сварога, который зарисовывал мертвого Есенина. Вот его рассказ о своем впечатлении о происшедшем в номере гостиницы:

«Мне кажется, этот Эрлих что-то подсыпал ему на ночь, ну... может быть, и не яд, но сильное снотворное. Не зря же он «забыл» свой портфель в номере Есенина. И домой он «спать» не ходил — с запиской Есенина в кармане. Он крутился не зря все время неподалеку, наверное, вся их компания сидела и выжидала свой час в соседних номерах. Обстановка была нервная, в Москве шел съезд, в «Англетере» всю ночь ходили люди в кожанках. Есенина спешили убрать, потому все было так неуклюже, и оставалось много следов. Перепуганный дворник, который нес дрова и не вошел в номер, услышал, что происходит, кинулся звонить коменданту Назарову... А где теперь этот дворник?»

Сначала была «удавка» — правой рукой Есенин пытался ослабить ее, так рука и заоченела в судороге. Голова была на подлокотнике дивана, когда Есенина ударили выше переносицы рукояткой нагана. Потом его закатали в ковер и хотели спустить с балкона, за углом ждала машина. Легче было похитить. Но балконная дверь не открылась достаточно широко, оставили труп у балкона, на холоде. Пили, курили; вся эта грязь осталась... Почему я думаю, что закатали в ковер? Когда рисовал, заметил множество мельчайших соринки на брюках и несколько в волосах... пытались выпрямить руки и полоснули бритвой "Жиллет" по сухожилию правой руки, эти порезы были видны... Сняли пиджак, помятый и порезанный, сунули ценные вещи в карманы и всё потом унесли... Очень спешили... «Вешали» второпях, уже глубокой ночью, и это было непросто на вертикальном стояке. Когда разбежались, остался Эрлих, чтобы что-то проверить и подготовил» для версии о самоубийстве... Он же и положил на стол, на видное место, это стихотворение: "До свиданья, друг мой, до свиданья..." Очень странное стихотворение...»

С этого момента исследователи бросились изучать архивы, и все они начинают высказывать сомнения по каждому документу, по каждому сказанному слову, по каждому свидетельству, по каждому намеку, связанному со смертью поэта. Все они сводятся практически к одному. Как комендант "Англетера" Назаров открыл дверь в номер Есенина, какой отмычкой и почему сразу же ушел? Почему на место трагедии

был вызван не опытный следователь из отдела убийств и грамотный судмедэксперт, а пришел простой участковый надзиратель 2-го отделения милиции Николай Горбов. Он практически в одиночку провел расследование, написал Акт о самоубийстве поэта (который считается подмененным), хотя должен был составить протокол по строгой установленной форме. Однако такие протоколы составляются по уголовным делам. А здесь, видимо, было сообщено сразу же о самоубийстве поэта (в убийство, да еще в элитной гостинице "Англетер", никто не верил).

Далее у исследователей вызывает подозрение, что на место самоубийства не выехал судмедэксперт, хотя Г. Устинов в своих воспоминаниях говорит о своей беседе с ним. Наконец самое большое сомнение вызывает Акт вскрытия Есенина, подписанный судмедэкспертом А.Г. Гиляревским. Большинство исследователей считают этот акт поддельным. Основание для этого они видят в других актах, подписанных А.Г. Гиляревским, которые составлены на более профессиональном уровне, чем Акт вскрытия поэта.

Далее начинают выяснять, как мог Есенин завязать веревку так высоко (высота потолка 3.8 м) и где вообще он мог достать такую длинную веревку длиной 2 - 2.5 метра, да и как завязал ее, если в номере не было высокой мебели. (Хотя сам Э. Хлысталов, задающий эти вопросы, пишет, что на снимке видна опрокинутая тумба, длиной 1,2 м). Поставить стул на тумбу или тумбу на стол не проблема. В номере по описи было два стола. Да и повесился Есенин, скорее всего, на шнурах от своих чемоданов, связав их вместе. (Поэт всегда возил с собой несколько чемоданов с одеждой). Авторы гипотезы об убийстве Есенина иногда противоречат сами себе. Ст. Куняев пишет, что в номере на полу были сгустки крови, а Э. Хлысталов пишет, что если Есенин пытался взрезать себе вен, то "в номере должны быть лужи крови. Но ее нет". Далее тот же Хлысталов пишет, у мертвого поэта не было видно т.н. странгуляционной борозды (след от веревки повесившегося или повешенного человека). Однако в Акте вскрытия, который считается поддельным, об этой полосе вполне внятно написано, "на шее над гортанью – красная борозда идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда имеет немного вверх к затылочной области, где и теряется; ширина борозды с гусиное перо."

Далее, подвергается сомнению время, прошедшее с момента смерти поэта. Традиционные 6-7 часов, в течение которых провисел поэт, заменяются на 12 часов (опять же по некоторым мнениям современных экспертов). В Акте Гиляревского

написано, что "«темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на коже кровоподтеки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время». Какое же время находилось в вертикальном положении тело Есенина? Ряд современных судмедэкспертов полагают, что темно-фиолетовый цвет нижних конечностей образуется у трупа, который в вертикальном положении находился около суток. Значит, Есенин умер не в 3-4 часа ночи, а где-то в 11 часов вечера.

Таким образом, анализ противоречий приводит исследователей к выводу, что "создается убеждение, что акт Гиляревским написан под чьим-то нажимом, без тщательного анализа случившегося. В материалах дознания имеется любопытный документ, мало что говорящий широкой публике, но прекрасно иллюстрирующий отношение властей к расследованию обстоятельств гибели Есенина.

Прислав юридически малограмотного Н. Горбова для проведения дознания, больше власти ничего не делали. Они выжидали. Газетчики объявили о самоубийстве Есенина, должностные лица молчали. Газеты потоком выливали на головы обывателей информацию о пьянстве и хулиганстве поэта, его контрреволюционности, мелкобуржуазности, формируя убеждение, что другого конца у такого поэта и быть не могло".

То, что за Есениным следило ГПУ – это правда. А за кем чекисты не следили? Уж если Пушкин находился под тайным надзором при Николае II, считавшего поэта умнейшим человеком в России, то литераторы, поэты и художники в смутное революционное время тем более находились под пристальным вниманием властей. Большевики, и это вполне естественно, хотели привлечь свою сторону многих талантливых деятелей культуры. Как мы видели из биографии поэта, Есенин пошел на сотрудничество с властями, написал очень много революционных поэм, и как он сам говорил:

Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Есенин возмущался, когда его называли "контрреволюционером".

– Если бы я был контрреволюционером, – говорил он Эрлиху, – я держал бы себя совсем иначе! Просто я — дома. Понимаешь? У себя дома! И, если мне что не

нравится, я кричу! Это — мое право. Именно потому, что я дома. Белогвардейцу я не позволю говорить о Советской России то, что говорю сам. Это — мое, и этому я — судья!

Конечно, не совсем обычное поведение поэта не нравилось властям, особенно теоретику партии, редактору газеты "Правда" Бухарину. Но к Есенину благожелательно относился Троцкий, помогал Луначарский. Поэта не раз спасали от суда и заключения его друзья-коммунисты: А. Берзинь, Вардин, Чагин. Противников Есенина среди деятелей "пролетарской" литературы было много, их влияние было значительно на идеологическом фронте. Никто не отрицает, что против Есенина устраивались провокации, может, были даже угрозы убийством, но скорее всего личного плана. Но от обычной слежки (сидели почти за каждым значительным человеком) до политического убийства пьющего, больного, политически пассивного и совершенно безобидного поэта — очень большая дистанция.

Практически все доказательства убийства Есенина строятся на сообщениях лиц, которые что-то видели, но ничего конкретного. Приводятся слова некоторой женщины, которая якобы узнала от бывшей уборщицы гостиницы, что Есенин погиб не в своем номере, а где-то на чердаке или подвале и только потом труп был принесен в пятый гостиничный номер.

Затем ссылаются на некое письмо, полученное от человека, знакомого с семьей Казимира Марковича Дубровского, который будучи молодым медиком "Скорой помощи", в тот день выезжал в гостиницу и снимал из петли труп поэта. Э. Хлысталов приводит это письмо в своей книге. Самих Дубровских уже нет в живых, но есть их "свидетельства", о том, что "С. Есенину «помогли» покончить с собой. Судя по рассказам К. М. Дубровского, в номере С. Есенина были следы борьбы и явного обыска. На теле были следы не только насилия, но и ссадины, следы побоев. Кругом все разбросано, раскидано, битые разбросанные бутылки, окурки".

Продолжением раскручивания версии о политическом убийстве занялся писатель Виктор Кузнецов. После большой исследовательской работы, проведенной в архивах КГБ, и на основании многих документов он выдвинул версию, что Есенин даже и не поселялся в гостинице "Англетер" в Ленинграде. Его, мол, прямо с вокзала взяли чекисты, отвезли в какой-то другой дом, где избивали, пытали, наконец, убили, а потом привезли в знаменитый номер № 5 гостиницы, инсценировав самоубийство поэта. При этом все друзья поэта: Петр Устинов с женой, Вольф Эрлих и другие, оставившие

воспоминания о последних днях жизни Есенина, объявляются сексотами ГПУ, а воспоминания их, инспирированные чекистами, были написаны якобы для того, чтобы скрыть от общественности все следы этого преступления.

"В 5-й номер, – пишет Кузнецов, – допускались только проверенные товарищи; весь спектакль абсурда проходил в глубокой тайне – иначе скоро бы открылось; московского беглеца до официального объявления о его самоубийстве в "Англетере" не видели". И далее практически вся книга посвящается тому, какие плохие люди окружали Есенина. Подробно рассматриваются их биографии, и то, что многие из них были репрессированы в это смутное время, ставится в прямую зависимость от того, что они были свидетелями или пособниками якобы убийства Есенина. Автор обрушивается и на Галю Бениславскую, за то, что она работала когда-то секретарем в ГПУ. То, что она заботилась о Есенине, вытаскивая его из пьяных компаний, создавая домашний уют и проявляя огромную терпимость и "небрезгливость" по отношению к поэту, терпя его выходки и капризы – ставится не в счет. Главное ее отрицательное свойство, что она была связана с ЧК, работая простым секретарем, а никаким не агентом. Конечно, она стремилась привлечь Есенина на сторону революции в ее понимании. Но это так естественно.

Кузнецов считает, что все гости Есенина – друзья его жизни и знакомые, – посещавшие поэта в гостинице, как бы предали его. Их заставили замолчать, когда Вольф Эрлих сочинял свои лживые воспоминания о последних днях поэта. Николая Клюева купили, используя его бедность и болезненность. Ионов, всесильный директор Госиздата, зять Каменева, выделил поэту квартиру. Художник Мансуров тоже был агентом ГПУ, и хотя он уехал в Париж в 1928 году, все равно считается, что он использовался там чекистами. Журналист Ушаков, присутствовавший среди гостей Есенина, тоже "случайная подставная пешка в закулисной игре". Ну а Илья Садофьев, член союза писателей Ленинграда, Иван Приблудный, писатель Владимир Измайлов, по словам Кузнецова "фигуры, призванные исполнять роль "козлов отпущения".

Известно, что Иван Приблудный был тайным агентом ГПУ, и многие писатели в то время были связаны с этим ведомством. Используя эти особенности большевистского тоталитарного государства, можно любую смерть любого человека пристегнуть к деятельности ЧК. Расследование смерти Есенина превращается в перекапывание биографий тех людей, которые может и не были связаны с поэтом вообще, но зато были коммунистами, партийными работниками или "стукачами" у

чекистов. Можно сказать, что 80% книги посвящено кратким биографиям этих лиц. Какой-то новой информации к обстоятельствам смерти поэта они не добавляют. Что касается самой тети Лизы – Елизаветы Алексеевны Устиновой – то оказывается ее вообще не было в Ленинграде, а ее роль исполняла некая Анна Яковлевна Рубинштейн, ответственный секретарь вечерней "Красной газеты".

Наконец, после длительных и нудных биографий каких-то коммунистических работников, делается основной вывод – приказ об убийстве Есенина отдал Лев Троцкий.

Прежде чем выдвигать версии об убийстве, обычно задаются вопросом: "Кому это выгодно?" Выгодно именно убийство, устранение человека. На основе известных фактов биографии Есенина делается вывод о том, что Троцкий поэта ненавидел. Я не буду вдаваться в подробности взаимоотношений поэта и Наркомвоенмора. В биографии Есенина достаточно сказано об отношении и поэта к Троцкому, и об отношении Троцкого к поэту. Все современники отмечали взаимное уважение их друг к другу. Есенин говорил, что ему "нравится гений этого человека". Троцкий, конечно, не без корыстных интересов стремился привлечь на сторону революции гений поэта. Пьяные слова поэта по поводу того, что Россией не должен управлять Лейба Бронштейн, были хорошо известны Троцкому. Но готовить убийство поэта из-за таких высказываний пьяного человека – это значит слишком возвышать политический вес Есенина.

Троцкий хорошо знал поэта, знал его самостоятельность в высказываниях и оценках русской революции, но знал так же и жажду славы поэта, его умение "подкладываться" ради признания, признавал его явные недостатки, но и ценил его душевные достоинства. Вряд ли человек, осуществивший это убийство, мог написать о Есенине такие слова: "Он нередко кичился резким жестом, грубым словом. Но подо всем этим трепетала совсем особая нежность неогражденной, незащищенной души. Полунапускной грубостью Есенин прикрывался от сурового времени, в какое родился, — прикрывался, но не прикрылся. Прикрываясь маской озорства и отдавая этой маске внутреннюю, значит, не случайную дань, Есенин всегда, видимо, чувствовал себя не от мира сего. Это не в похвалу, ибо по причине именно этой неотмирности мы лишились Есенина".

Зачем же Троцкому надо было убирать Есенина? Только потому, что когда-то, пару-тройку лет назад, поэт немного посмеялся над "веймарским" изгнанником в своей пьесе "Страна негодяев". Слишком слабое основание.

Мало того, исполнителем приговора, непосредственным убийцей поэта объявляется Яков Блюмкин. Опять же на основании чего? Да ни на каком основании. Ну вертелся Блюмкин среди имажинистов, ну размахивал револьвером перед носом Есенина (Устинов тоже как-то грозил кому-то наганом в присутствии поэта) – в то смутное время человеческая жизнь немного стоила. Как же, поссорились друг с другом пару раз, значит, и убить можно, особенно по приказу хозяина. Вроде бы логичная конструкция. Но далее следуют уж совсем несуразные вещи. Мало того, что убийство поэта является по мысли автора огромным спектаклем, в котором задействованы огромное количество лиц, которые предали и продали Есенина. Оказывается, что и свое последнее стихотворение, написанное кровью, поэт и не написал вовсе. Это стихотворение состряпал сам Блюмкин, который был "не только специалистом по "мокрым делам", бичом врагов мировой революции, но и настоящим профессионалом по части подделки чужого подчерка". Из вывода Кузнецова получается, что Блюмкин был еще и замечательным поэтом. Ведь это стихотворение "До свиданья, друг, мой, до свиданья..." настолько прекрасно, что объявляя его "неесенинским", надо признать немалый талант стихотворца у автора этих строк.

Сами авторы гипотезы о политическом характере "убийства" Есенина постоянно соперничают друг с другом, выдвигая каждый раз новых "организаторов убийства". Так Л.В. Занковская в своей книге "Новый Есенин", высказывает мнение, что якобы Есенин оказался в центре политической борьбы, которая развернулась после смерти Ленина между Троцким, с одной стороны, альянсом Бухарин-Сталин и группой революционеров в составе Зиновьева и Каменева. Чтобы отомстить Есенину, который собирался уехать в Ленинград — центр зиновьевской оппозиции, бухаринская команда и организовала убийство Есенина. Занковская пишет, что в тот день вечером, когда Есенин уезжал в Ленинград, "он и не подозревает, что поражение зиновьевцев в ленинградской парторганизации уже предрешено и, возможно, с ним в одном поезде в северную столицу спешил неприметный московский десант, который должен провести "черновую" работу по разгрому ленинградской оппозиции". Этот десант должен был убить и Есенина. Совершенно незначительное двустишие Есенина в его поэме "Песнь о великом походе":

Кто ж не вспомнит теперь
речь Зиновьева?

воспринимается как нечто играющее огромную роль в политической борьбе за наследие Ленина. Поэт волей автора становится крупнейшей фигурой в большевистской возне за первенство.

Можно до бесконечности плодить разные версии убийства поэта. Если уж придумывать, так лучше основываясь на словах самого Есенина. В том последнем разговоре с Тарасовым-Родионовым за кружкой пива в ожидании денег от Евдокимова, Есенин сказал: "Я очень люблю Троцкого, хотя он кое-что пишет очень неверно . Но я его, кацо, уверяю тебя, очень люблю. [А вот Каменева, понимаешь ты, не люблю. Подумаешь — вождь, А ты знаешь, когда Михаил отрекся от престола, он ему благодарственную телеграмму закатил за это самое из Иркутска]. Ты думаешь, что (если) я беспартийный, то я ничего не вижу и не знаю. [Телеграмма-то эта, где он мелким бесом семенит перед Михаилом], она, друг милый, у меня". Исходя из этих слов, можно сделать вывод, что убийством поэта руководил Каменев. Наличие компрометирующей телеграммы у Есенина (скорее всего случайно доставшейся ему копии) – более веское основание для убийства, чем легкая критика Троцкого, который был образцом политика для поэта.

Как всегда в России, гипотезы по поводу смерти поэта рождаются по закону маятника. Вчера – самоубийство, сегодня – убийство, да еще обставленное целым спектаклем, в котором задействовано, по крайней мере, не менее полусотни людей. Не хочется спорить по поводу этих версий. Предоставим читателю самому разобраться в том, что более соответствует истине, и что произошло все-таки в номере № 5 – самоубийство или убийство? Все зависит от того, как посмотреть на жизнь Есенина, с точки зрения политики, или с человеческой точки зрения, проанализировав психологические особенности личности поэта.

Решайте сами!

